

МАЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

ИОАНН БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ,
ЭДУАРД ТРЕТИЙ
И РИЧАРД ВТОРОЙ

ГЛАЗАМИ ШЕКСПИРА

Александра Маринина
Иоанн Безземельный,
Эдуард Третий и Ричард
Второй глазами Шекспира
Серия «А.Маринина.
Больше чем История»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70367506
ISBN 978-5-04-200024-9

Аннотация

Истории трех знаменитых королей под одной обложкой. Каждый из них по-своему дошел до края... а кое-кто и переступил его.

ИОАНН (1167—1216) по прозвищу Безземельный. Был неудачником, которого никто не любил, особенно после правления его благородного брата Ричарда Львиное Сердце. Вчистую проиграл две большие войны: с французами – лишился половины своих владений; с собственными подданными – потерял почти половину своей королевской власти. Тот самый король, который подписал прообраз современных конституций – Великую хартию вольностей.

ЭДУАРД (1312—1377), герой и везунчик, по прозвищу Третий. Начал Столетнюю войну с Францией, в нескольких славных сражениях перебил цвет французской знати, а его правление называли «золотым веком» английской истории.

РИЧАРД (1367—1400) мог бы, наверно, получить прозвище Принц Датский, если бы Гамлет был написан на двести лет раньше. Рано потерял отца, сперва был зависим от матери и старых советников, а потом понадеялся на друзей-сверстников, которые его предали, свергли и заморили в тюрьме. Говорят, был импульсивным и раздражительным красавчиком, но не таким неврастеником, каким нарисовал его гениальный драматург.

Вслед за Шекспиром Александра Маринина постаралась разобраться в жизнеописаниях и психологических портретах этих правителей. И какими словами она заканчивает свою книгу? «Поистине царственное лицемерие!» Почему? Об этом можно узнать из увлекательных и остроумных исторических очерков.

Содержание

От автора	11
Король Иоанн	14
Акт первый	23
Сцена 1	23
Акт второй	43
Сцена 1	43
Акт третий	76
Сцена 1	76
Сцена 2	96
Сцена 3	99
Сцена 4	104
Акт четвертый	110
Сцена 1	110
Сцена 2	120
Конец ознакомительного фрагмента.	131

**Александра Маринина
Иоанн Безземельный,
Эдуард Третий и Ричард
Второй глазами Шекспира**

© Алексеева М. А., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

АЛЕКСАНДРА МАРИНИНА окончила юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и получила распределение в Академию МВД СССР. Несколько лет в должности научного сотрудника она изучала личности преступников с аномалиями психики, а позже защитила кандидатскую диссертацию по теме «Личность осужденного за насильственные преступления и предупреждение специального рецидива».

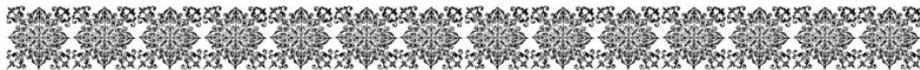
Анализ и прогнозирование преступности стали основой ее профессиональной деятельности, в результате – более 30 научных трудов, в том числе монография «Crime and Crime Prevention in Moscow», изданная Римским межрегиональным институтом ООН по проблемам преступности и правосудия (UNICRI). Огромный опыт, недюжинные аналитические способности и врожденный литературный талант вдохновили ее на создание блестящего детективного цикла про Анастасию Каменскую. По мотивам 28 произведений было создано шесть телевизионных сериалов «Каменская», которые шли в прокате по национальному российскому телевидению, а также в Латвии, Украине, Германии, Франции.

Лауреат литературных премий Александра Маринина была признана журналом «Культ личностей» одной из 25 наиболее влиятельных личностей страны. Произведения Марининой были переведены на 28 языков и изданы в 40 странах мира.

От автора

В этой книге продолжается серия «легких переложений» исторических пьес-хроник Шекспира. Я попробую пересказать вам «Короля Иоанна», «Эдуарда Третьего» и «Ричарда Второго» прозаическим современным языком и попутно буду сопровождать текст комментариями об исторических реалиях и о внутренней логике самих произведений. Но поскольку я пытаюсь учиться на собственных ошибках, то сделаю несколько предварительных замечаний.

Первое касается правил транслитерации. Я работаю по полному собранию сочинений Шекспира, изданному в 1957–1959 гг. Надежда Рыкова (переводчик «Короля Иоанна») и Михаил Донской («Ричард Второй») писали английские именованья так, как было принято в середине прошлого века. Сегодня правила изменились, и в источниках те же самые именованья пишутся иначе. Более того, имена французского происхождения Шекспир зачастую переделывал на английский манер, называя Алиенору Аквитанскую Элеонорой, лорда Биго – Биготом и т. д. Я долго мучилась в попытках найти приемлемый выход из ситуации. Наверное, я пошла не по самому правильному пути, но другого придум

мать пока не смогла. Итак: там, где идет переложение шекспировского текста и даются комментарии к действиям персонажей пьес, их имена пишутся так, как они выглядят в издании 1957–1959 гг. В тех местах, где описываются исторические события и реальные исторические лица, их имена даются в современной транслитерации, как они и указываются в различных источниках. Например, герцог Ланкастерский, дядя короля Ричарда Второго, у Шекспира носит имя «Джон Гант» (Gaunt), сегодня же этот человек именуется Гонтом. Прежний Серри (Surrey) – это нынешний Суррей; Маубрей (Mowbray) стал Моубреем. Если, допустим, идет пересказ сцены с участием Ганта, то я и называю его Гантом, поскольку речь идет о персонаже, созданном авторским воображением, но когда я делаю отступление и рассказываю, как было на самом деле, то пишу уже о Гонте, реальной исторической фигуре. Допускаю, что это создает определенные трудности при чтении, но зато дает возможность обратиться к источникам и собрать дополнительную информацию, если такое желание у кого-то появится. Если вы начнете искать по именам в старом написании, то не факт, что найдете.

Второе замечание, которое необходимо сделать, касается старых и новых правил использования заглавных букв в словах «Бог», «Небеса», «Господь». В середине прошлого века эти слова писались со строчных букв, поэтому в тех местах, где я прибегаю к прямому цитированию шекспировского текста по изданию 1957–1959 гг., они написаны не так,

как принято сегодня. У меня нет намерения оскорбить чьи-либо религиозные чувства, просто я твердо придерживаюсь правил цитирования. В более поздних (после 1990 года) изданиях этих же переводов используется заглавная буква.

Третье: не забывайте, что мы имеем дело с пьесами, написанными, во-первых, на английском языке, а во-вторых, в стихах. В английском языке нет двух различных форм обращения «ты» и «вы», форма только одна, а переводчик должен использовать глаголы и прилагательные так, чтобы «влезать» в заданный Шекспиром стихотворный размер. Поэтому пусть вас не смущает, что в рамках даже одного монолога персонаж может обращаться к собеседнику то на «вы», то на «ты».

И последнее. Все авторские ремарки (где происходит действие, кто находится на сцене, кто входит, кто уходит и пр.) приведены так, как написаны у Шекспира в русскоязычном издании. Такие ремарки выделены другим шрифтом, чтобы вы не подумали, что я сама это нафантазировала. Кроме того, если имя персонажа в ремарке дано «разрядкой», то это имя выделено жирным шрифтом.

Король Иоанн

Неизвестный художник, XVI век, National Portrait Gallery,

London.

Почему именно Иоанн? В своих исторических хрониках Шекспир последовательно описывает период от царствования Эдуарда Третьего до расцвета правления Генриха Восьмого, то есть от первой половины четырнадцатого века до первой половины века шестнадцатого. Да, имеются некоторые «пропуски»: например, ни Эдуарду Четвертому, правившему между Генрихом Шестым и Ричардом Третьим, ни Генриху Седьмому, который победил Ричарда Третьего и положил начало династии Тюдоров, отдельные пьесы драматург не посвящал, это правда. Но оба указанных персонажа все-таки присутствуют и в «Генрихе Шестом», и в «Ричарде Третьем», так что вполне обоснованно можно считать эпоху охваченной полностью. Так сказать, сплошняком, примерно с 1337 года, когда Эдуард Третий обиделся на короля Франции и решил отвоевать французскую корону, до 1533 года, когда у Генриха Восьмого в браке с Анной Болейн родилась дочь Елизавета (сценой ее крестин и заканчивается пьеса «Генрих Восьмой»).

И вдруг – «Король Иоанн», рубеж двенадцатого-тринадцатого веков. Почему? Почему Иоанн, а не, скажем, его предшественник и старший брат, король Ричард Первый, он же Ричард Львиное Сердце, личность широко известная в истории? Или не Эдуард Первый, прославившийся своими достижениями и свершениями, а также тем, что создал ти-

тул «Принц Уэльский» для тех королевских сыновей, которым предстоит наследовать корону. Да взять почти любого английского короля – политических передряг и личных драм у каждого хватит не на одну пьесу. Чего стоит один только Эдуард Второй с его вызывающе нетрадиционной личной жизнью и ужасающей кончиной! Выбор широчайший, однако Шекспир почему-то посвящает свою выбивающуюся из общей хронологии, стоящую особняком пьесу королю Иоанну Безземельному.

Если взглянуть на историю создания пьесы, то ответ напрашивается сам собой. Здесь, как и в случае с «Генрихом Шестым», имеет место быть некая написанная ранее пьеса в двух частях с длинным и сложным названием, которое начиналось словами «Беспокойное правление короля Иоанна...», а далее в названии перечислялись основные события, описанные в соответствующей части. Кто эту пьесу написал? Кто ее автор? Точно не установлено. То ли сам Шекспир баловался по молодости, потом все переделал, то ли какие другие люди создали произведение, а Шекспир взял его за основу. Высказывалось даже мнение, что сначала был написан «Король Иоанн», а потом неизвестные подражатели слепили из него «Беспокойное правление...». В общем, точно никто ничего не знает, но каждую из точек зрения поддерживают серьезные ученые-исследователи и шекспироведы. Советский литературовед-шекспировед Александр Аникст считает, например, наиболее вероятной версию с переделкой Шекспи-

ром чужой пьесы¹: при сравнении текстов обоих произведений видно, что события описаны одни и те же, однако стихи переписаны полностью. И смысловые акценты в тексте расставлены совсем иначе.

Если эта версия верна, то вполне можно предположить, что Шекспир взял придуманную кем-то фабулу, последовательность событий и поступков, чтобы не заморачиваться, а стихотворный текст создал сам. Была бы уже готовая фабула про какого-нибудь другого короля – так и пьеса Шекспира была бы другой. А тут уж что попало – то и попало. Как думаете, может так быть?

Но как бы там ни было, мы сейчас будем «переписывать» понятным современным языком шекспировский вариант событий и посмотрим, каким же видел великий драматург короля Иоанна Первого. Чтобы лучше понимать ход событий и характер главного героя, давайте вспомним, что вообще достоверно известно об этом монархе.

Итак, Иоанн. Последний, самый младший сынок короля Генриха Второго и королевы Алиеноры Аквитанской. Всего детей у этой пары было восемь: пятеро сыновей и три дочери. Самый первый сын, Вильгельм, умер в раннем детстве, задолго до рождения Иоанна, так что до пятнадцатилетнего возраста младший сын был четвертым сыном. Иными словами, шансы на трон у него были нулевыми. Следу-

¹ Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах / Под общей ред. А. Смирнова и А. Аникста. – М., 1957. Т. 3. С. 550.

ющим (после смерти отца) корону должен был надеть старший брат Генрих. За ним шли братья Ричард и Джеффри (Жоффрау), а уж потом, если сильно повезет, настанет очередь Иоанна, но на это надежды не было практически никакой. И что обиднее всего: при разделе наследства всем братьям достались немалые земли, а Иоанну – ничего. Так папа Генрих Второй решил. Вот и попробуйте представить себе, каким должен был вырасти в королевской семье мальчик, который с самого рождения знал, что ему «не положено». У других братьев есть земли, которыми они могут править (Генрих станет королем Англии, герцогом Нормандии и графом Анжуйским, Ричард – герцогом Аквитании, Джеффри будет управлять Бретанью, которую получил при женитьбе в качестве приданого), а у Иоанна – шиш с маслом.

Когда принцу было 15 лет, внезапно умер самый старший из братьев, Генрих Молодой Король, и Иоанн стал третьим в очереди за короной. Еще через три года на турнире погибает брат Джеффри, и Иоанн становится вторым. Отец, король Генрих Второй, еще жив, но упорно морочит сыновьям Ричарду и Иоанну голову, не желая окончательно назвать наследника престола. Наконец, спустя еще три года, в 1189 году, старый король умирает, и трон занимает Ричард. Все по правилам, по старшинству. Иоанн – следующий. Но ведь ждать придется неизвестно сколько: во-первых, Ричард еще достаточно молод, ему всего 31 год, во-вторых, у него же могут родиться дети, сыновья. Да, на момент коронации Ричард

еще не женат, но какие его годы! В общем, перспективы у Иоанна весьма туманные. Когда Ричард Львиное Сердце отправился в крестовый поход и на обратном пути попал в плен, Иоанн не упустил возможность и принялся распространять слухи о том, что брат-король якобы мертв. Поверили, конечно, не все, и провозгласить себя новым королем Иоанну не удалось, но сама по себе попытка характеризует принца достаточно ярко. Более того, когда стало достоверно известно, что Ричард не погиб, находится в плену у императора Священной Римской империи (им в те годы был король Германии Генрих Шестой) и за него просят выкуп, Иоанн... Думаете, кинулся собирать деньги? Ничего подобного. Он вступил в сговор с королем Франции, и они вместе предложили императору сумму в два раза больше за то, чтобы тот как можно дольше держал Ричарда у себя в плену. Вот вам и братская любовь.

Первым претендентом на престол Иоанн пробыл 10 лет. Потом Ричард умер от раны, полученной в военном сражении, и Иоанн-таки стал королем Англии. Тоже, как и Ричард, в 31 год. Дождался своего часа. Но и тут не обошлось без засады. Дело в том, что погибший на турнире брат Джеффри был, как мы уже упоминали, женат, и в браке с Констанцией Бретонской у него родился сын Артур. Так вот, по правилам именно Артур как прямой потомок следующего (после Ричарда Львиное Сердце) брата должен был стать королем Англии, а вовсе не Иоанн. Более того, Ричард, отправляясь

в крестовый поход, сам назвал двухлетнего малютку Артура Бретонского наследником английского престола. Правда, перед самой кончиной он вроде бы передумал и передал трон брату Иоанну. Это нужно помнить, поскольку и Артур, и его мать Констанция являются персонажами пьесы.

Известный английский историк и публицист Питер Акройд считает, что Иоанну не повезло с хронистами: «Оба монастырских хрониста царствования Иоанна – Роджер Вендоверский и Матфей Парижский – были одинаково враждебны к нему»². В хрониках Иоанна рисуют завистливым, злым, жестоким и безжалостным, лживым и наглым. Один из хронистов написал, что когда Иоанн умер, даже «ад был осквернен его прибытием»³. Рядом всегда был блистательный воин Ричард, любимец матери, высоченный красавец, и в его тени младший брат чувствовал себя обделенным. Мало того, что Ричарду досталась огромная и богатейшая Аквитания, так он еще и ростом выше сантиметров на тридцать! Когда в конце XVIII века вскрыли могилу короля Иоанна в Вустерском соборе и измерили скелетированные останки, выяснилось, что рост его был всего 1 метр 65 сантиметров.

Кроме того, отмечается еще одна весьма любопытная черта его характера: этот человек всегда рассчитывал взять то, что ему хочется, нахрапом, но как только встречал хотя бы малейшее сопротивление, тут же отступал и сдавался. Изве-

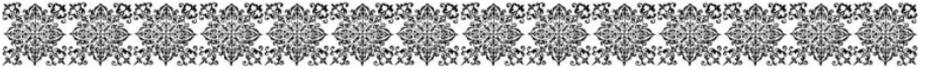
² Акройд П. История Англии. Основание. – М., 2021. С. 224.

³ Там же. С. 243.

стен эпизод, когда Иоанн захотел поставить настоятелем одного монастыря «своего» человека, монахи воспротивились, им кандидат не нравился. Тогда Иоанн повелел сжечь монастырь. А приказ выполнять никто не кинулся. . . И что же король? Да ничего. Смягчился и всех простил.

Ну для начала вроде бы достаточно. Остальные детали мы рассмотрим, как говорится, по ходу пьесы. Только попробуем определиться со временем. Иоанн взошел на престол в 1199 году. Судя по происходящему в первом акте, события имеют место в 1200–1201 году. Соответственно, возраст действующих лиц мы будем определять с некоторым «допуском».

Акт первый

Сцена 1

Нортгемптон. Тронный зал во дворце

Входят король Иоанн, королева Элеонора, Пембрук, Эссекс, Солсбери и другие, а также Шатильон.

Королева Элеонора – это Алиенора Аквитанская, вдова короля Генриха Второго и мать королей Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного. Женщина яркая, сильная, властная. До брака с Генрихом она в течение четырнадцати лет была супругой короля Франции Людовика Седьмого. Точная дата ее рождения неизвестна, то ли 1123 год, то ли 1125, но принято считать «по среднему»: 1124 год. Таким образом, к моменту начала действия в пьесе ей должно быть около 75 лет. Даже в нашу эпоху такой возраст считается весьма солидным, а уж в период раннего Средневековья – тем паче.

Граф Пембрук – это Уильям Маршал, который, по мне-

нию современников, являлся величайшим рыцарем христианского мира. Ему должно быть в тот момент примерно 53–54 года. Маршал всю жизнь был предан Алиеноре, пользовался ее безусловным доверием и ни разу за всю свою долгую службу это доверие не обманул. Был человеком чрезвычайно высоких моральных стандартов, и такие понятия, как верность слову и честь, были для него не пустым звуком. Об Уильяме Маршале много написано у Э. Чедвик, можете сами прочитать, если заинтересуетесь.

Граф Эссекс – Джеффри Фиц-Питер (или Фицпетер), 1-й граф Эссекс, главный юстициарий Англии (некто вроде министра юстиции; в общем, главный по применению законов). Ему примерно 38 лет плюс-минус год. Эссекс обладал даром налаживать финансирование непомерных расходов короля Ричарда, и это его качество высоко ценил Иоанн, который с самого начала своего правления осыпал Фиц-Питера разными благодеяниями и пожалованиями, а в ответ граф преданно служил новому королю до конца своих дней.

Граф Солсбери – Уильям Длинный Меч (или Уильям Лонгсуорд – от англ. Long Sward, что означает «Длинный Меч»). Это крайне любопытная фигура, внебрачный сын покойного короля Генриха Второго от его любовницы, графини Иды де Тосни. На сцене ему должно быть примерно 24 года. Король Генрих сына признал, отправил на воспитание в достойную семью, пожаловал имение, а король Ричард женил единокровного брата на богатой наследнице с титулом,

благодаря чему Уильям стал графом Солсбери. Прозвище «Длинный Меч» он получил за воинские доблести и умение обращаться с оружием.

Ну а Шатильон, как вы уже и сами поняли, это посол французского короля Филиппа, сына покойного Людовика Седьмого от третьего брака.

– С чем пожаловали, господин посол Франции? – спрашивает Иоанн. – Что имеете сообщить?

– Король Франции передает привет и просит сказать тому, кто называет себя английским королем...

– Называет себя? – возмущенно перебивает посла Элеонора. – Странное начало.

– Мама, пусть посол договорит, – успокаивает ее король.

Посол излагает требования французского монарха: признать законные права Артура Бретонского на английский престол и передать ему трон, Англию, Ирландию и все английские владения на материке.

– А если я откажусь? – спрашивает Иоанн.

– Тогда – война. Будем брать силой то, что принадлежит нам по праву.

– Ну, война – так война. Посмотрим, кто кого.

– Считайте, что вызов брошен. Больше мне сказать нечего, – отвечает посол.

– Передай своему королю, что я вызов принял. Можешь идти. Очень скоро король Франции на своей шкуре испытает всю мощь английского оружия. Пембрук, проводи посла с

почетом.

Шатильон и Пембрук уходят.

Королева Алиенора Аквитанская. Из издания «The Pictorial Edition of the Works of Shakspeare», London, 1839.

Элеонора недовольна результатом переговоров.

– Ну что, сынок? Теперь видишь, что я была права? Констанция не уймется, пока не поднимет весь белый свет на защиту прав своего Артура. А ведь мы могли это предотвратить, если бы начали мирные переговоры. Вместо этого нам придется воевать, и два великих королевства, наше и французское, будут истекать кровью. Что хорошего-то?

– У нас есть власть, и право тоже наше, – самоуверенно отвечает Иоанн.

– Лучше бы ты меня слушал, – вздыхает Элеонора. – Я плохого не посоветую. Никто, кроме Бога, не узнает, что ты прислушиваешься к мнению матери, твоей репутации мои советы не угрожают.

Можем считать, что первые мазки на картине положены: Элеонора – спокойная мудрая миротворица, предпочитающая переговоры и взаимные уступки, а не войну, а Иоанн скор на выводы и решения, грубоват, хамоват и самонадеян. Более того, он считает ниже своего королевского и мужского достоинства прислушиваться к тому, что говорит женщина, даже если это его мать, человек с более чем полувековым опытом пребывания в королевском статусе.

Входит шериф и шепчется с Эссексом.

– Государь, – говорит Эссекс, – к вам там два человека пришли, просят на прием, хотят, чтобы вы разрешили их спор. Ну, спор у них действительно странный, прямо скажем. Я лично с таким еще не сталкивался. Что им сказать?

– Пусть войдут, – разрешает король.

Шериф уходит. А король продолжает размышлять над планом предстоящего военного похода в рамках только что объявленной войны с Францией.

– Деньги на войну возьмем у монастырей и аббатств...

Входят Роберт Фоконбридж и Филипп, его побочный брат.

(«Побочным братом» Шекспир именует незаконнорожденного, как вы и сами догадались).

– Вы кто такие? – вопрошает Иоанн, отрываясь от решения извечного вопроса: где взять денег?

Первым дает пояснения Филипп, которого Шекспир в дальнейшем именуется не по имени, а Бастардом.

– Я полагаю, что я – старший сын Роберта Фоконбриджа, «который в рыцари на поле битвы был Львиным Сердцем славно посвящен».

В переводе Н. Рыковой⁴ остается непонятным, к кому от-

⁴ Шекспир У. Король Иоанн. Перевод Н. Рыковой // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах / Под общей редакцией А. Смирнова и А. Аникс-

носится слово «который»: к отцу или к сыну. Кого король Ричард в рыцари-то посвящал? Придется смотреть в английский первоисточник.

*...and eldest son,
As I suppose, to Robert Faulconbridge —
A soldier by the honour-giving hand
Of Coeur-de-lion knighted in the field⁵.*

Судя по тире, в рыцари посвящали сына. Или все-таки отца? Давайте считать. Ричард Львиное Сердце был королем с 1189 по 1199 гг. В рыцари мальчиков посвящали лет в 15–16, иногда и раньше. Если предположить, что ритуал посвящения имел место в самый первый год правления Ричарда, то с того момента прошло самое большее 11–12 лет. Получается, этому рыцарю должно быть приблизительно лет 27 плюс-минус. Мог ли у молодого мужчины такого возраста быть взрослый сын? Разумеется, нет. Значит, речь точно идет не об отце, Роберте Фоконбридже-старшем, а о его сыне Филиппе Бастарде.

– Так, я понял. А ты кто? – обращается Иоанн ко второму просителю.

– Я сын и наследник того же Фоконбриджа, – отвечает Роберт-младший.

та. – М., 1957. Т. 3

⁵ Здесь и далее цитируется по: King John // The Folger Shakespeare. folger.edu. Дата обращения 23.11.2023.

– А вот теперь не понял, – озадаченно тянет король. – Он – старший сын, а наследник – ты? Как это может быть? Или у вас разные матери?

– Нет, ваше величество, вот мать-то как раз у нас одна, – поясняет Бастард, – это всем известно. Думаю, что отец тоже один, но тут уж никто наверняка не скажет, кроме самой матери да Господа Бога. «А дети разве могут точно знать?»

– Грубый бесстыдник! Как ты можешь такое говорить о своей матери и позорить ее честь? – с негодованием взрывается Элеонора.

– Кто, я? – удивляется Бастард, сделав «бровки домиком». – Ничего подобного я не делаю. А вот мой брат – да, именно он и хочет доказать, что мать меня с кем-то нагуляла и я незаконнорожденный. И если у него это получится, он откусит у меня не меньше пятисот фунтов дохода в год. Очень надеюсь, что Господь сохранит мне землю, а моей матери – честь.

Король Иоанн откровенно веселится.

– Вот прямодушный малый! И на каком же основании твой младший брат требует наследство? Какие у него аргументы?

– Понятия не имею, – пожимает плечами Бастард. – Хочет получить землю, вот и клеветает, что я, дескать, незаконный. А кто же, кроме нашей матери, может точно знать, насколько мы оба законные сыновья? Вопрос, как говорится, открытый. Может, с ней и вправду потрудился надо мной кто-то

посторонний, но уж потрудился он на славу: я получился ничуть не хуже братца. Посмотрите на нас, ваше величество, и сравните. Видите разницу? Если мы оба рождены от сэра Роберта и брат пошел в отца, то как же мне сvezло-то, что я на него не похож!

Шуточка вышла слегка замысловатая и сальная, но король от души хохочет (Иоанн действительно обладал хорошим, хотя и крайне злым чувством юмора.)

– Ну ты даешь! Вот же отмочил!

Элеонора внимательно разглядывает Бастарда.

– А он ведь чем-то похож на Львиное Сердце, – задумчиво произносит она, обращаясь к сыну. – И голос, и лицо, и сложение такое же мощное...

– Да, – соглашается Иоанн, – я тоже все время смотрю на него и вижу Ричарда. Ну прямо вылитый!

И обращается ко второму брату:

– Ну а теперь ты, младший, доказывай свои права.

Роберт, младший брат, начинает, как водится, издали: мол, мой отец был связан с вашим старшим братом Ричардом Львиное Сердце верной службой...

– Этими песнями ты землю себе не оттягаешь, – презрительно перебивает его Бастард. – Доказывай, что наша мать связалась с королем Ричардом!

Роберт приступает к изложению.

– Случилось так, что король послал отца на переговоры с германским королем, который в то время был императором

Священной Римской империи, а сам немедленно поселился в нашем замке. Мне неловко рассказывать эти постыдные подробности, но от правды никуда не денешься. Мой отец и сам говорил, что в момент зачатия старшего ребенка их с матерью разделяло огромное расстояние, поэтому старший сын точно не от него. Не мог же младенец родиться на четырнадцать недель раньше срока! Отец настолько твердо был уверен, что старший ребенок – не его, что на смертном одре завещал все земли мне. Вот я и хочу, ваше величество, получить свое наследство согласно воле отца.

И снова что-то не сходится. Если Ричард Львиное Сердце закрутил роман с женой Фоконбриджа уже будучи королем, то случиться это могло никак не раньше 1189 года. Отводим положенные девять месяцев на беременность, прикидываем год рождения Бастарда, и что получаем? Что перед нами сейчас на сцене стоят два мальчика, одному из которых хорошо если 11 лет, а второй еще младше? Никак не выходит! Ох уж этот Шекспир... На самом деле Филипп де Фоконбридж родился, как указывают источники, около 1175–1180 года. Он действительно считается (хотя и не всеми) незаконнорожденным сыном Ричарда Львиное Сердце. Согласно Википедии, Ричард признал сына и даже в 1190 году благословил его брак. А вот имя матери в той же Википедии не указано, написано: «неизвестна». Так что юношей сейчас на сцене мы видим вполне уже взрослых, да вот только отцом Филиппа никак не мог быть «король Ричард»: ему в те годы еще долго

предстояло ходить в роли всего лишь принца. И вряд ли этот принц мог отправить кого-то на переговоры к самому императору. Генрих Второй, отец Ричарда и Иоанна, не позволял сыновьям быть слишком самостоятельными и править в своих землях, и это его стремление до самого конца удерживать в своих руках всю полноту власти стало причиной множества войн, которые вели сыновья и с отцом, и между собой.

Иоанн долго не размышляет, решение у него уже готово.

– Твой брат рожден в законном браке, – говорит он Роберту, – значит, он считается законным сыном. Если твоя мать согрешила – ну что ж, бывает, дело житейское. Такое может случиться с любым женатым мужчиной. Если ребенок рожден в браке, отец не имеет права его отвергнуть и признать незаконнорожденным, а в остальном уж пусть с женой разбирается внутри семьи. Хотя я вполне допускаю, что твой брат рожден именно от короля Ричарда. Поэтому вот мое решение: пункт первый – твой старший брат рожден от моего брата Ричарда; пункт второй – твой брат является законным наследником твоего отца, поскольку он старший.

Роберт возмущен:

– Неужели предсмертная воля моего отца ничего не значит?

– Ой, а много эта воля значила, когда меня зачали и родили? – ехидничает Бастард.

Тут дело берет в свои руки Элеонора, которая видит, что поспешное непродуманное решение короля уже приводит к

сваре, а в дальнейшем может породить и новых врагов Иоанна. Зачем же, отправляясь в военный поход, оставлять на родной земле зерна, которые легко могут перерасти в междоусобицу? А вот если братьев разделить и держать подальше друг от друга, пользы выйдет куда больше.

– Скажи-ка, дружок, кем ты хочешь быть? Хочешь получить земельные угодья, стать помещиком и протирать штаны за учетными книгами, весь в скуке и пыли? Или удостоиться высокой чести быть официально признанным потомком великого короля Ричарда?

Филипп Бастард тут же начинает высмеивать внешние данные своего младшего брата: мол, если бы я был таким, как он, то отдал бы последний грош, последний клочок земли за то, «*чтобы себе вернуть свое лицо!*» Метафора не особо удачная, прямо скажем, но суть ясна: хочу быть тем, кем являюсь на самом деле.

Элеонора такую позицию полностью одобряет.

– Ты молодец! Ну как, готов отдать брату имение? Мы готовим поход на Францию, пойдешь с нами искать удачи?

А Бастард-то совсем не глуп, он быстро понял, кто тут главный и на кого имеет смысл делать ставку. В переводе Н. Рыковой последняя реплика Элеоноры звучит так:

– *Мы готовим*

Поход на Францию – пойдешь за мной?

Обратите внимание: поход готовят «они», то есть король, его матушка-королева и многие военачальники, а идти Бастарду предлагается «за ней», а не «за ними». На самом деле это небольшая вольность переводчика. В английском оригинале Элеонора в этой реплике про «мы готовим поход» вообще не упоминает, она говорит: «Хочешь отдаться на милость судьбы, отказаться от земель (отдать ему свои земли) и идти за мной? Я солдат и сейчас собираюсь идти на Францию». Но тут уж действительно именно «за мной», а не «за нами». И на Францию собирается идти она, Элеонора, а не «мы».

*Wilt thou forsake thy fortune,
Bequeath thy land to him, and follow me?
I am a soldier and now bound to France.*

В ответ на предложение королевы Бастард радостно восклицает:

*– Вперед, за счастьем! Брат, владей землей.
Полтысячи твоей достались рожге,
А ей цена – пять пенсов, не дорожже. —
За вами до могилы, госпожа!*

Ну вот, не за королем он собрался идти, а за старой королевой. Понимает, что к чему, стало быть.

– За мной до могилы? Давай лучше ты пойдешь первым, — шутит Элеонора.

– У нас, у деревенских, принято знатных людей пропускать вперед, – парирует Бастард.

Тут Иоанн, кажется, вспоминает, что он все-таки король, а не статист.

– Как тебя зовут? – спрашивает он Бастарда.

– Филипп.

– Что ж, раз ты так похож на моего брата, короля Ричарда, то прими и его гордое имя. Преклони колени. Ты больше не Филипп. Отныне ты сэръ Ричард, признанный Плантагенет!

И даже в такую торжественную минуту Бастард не может удержаться, чтобы не съязвить, обращаясь к брату:

– Слушай, нам обоим страшно повезло, что твой папаша, сэръ Роберт, не принимал участия в моем зачатии! Ты получил свое наследство, а я – высокую честь.

Элеоноре новообретенный внучок нравится все больше.

– Вот остроумие Плантагенета!

Тебе я бабка, Ричард, помни это.

В ответ Бастард произносит короткий, но очень яркий монолог, суть которого сводится к следующему: неважно, каким путем достигается цель, если она в итоге все-таки достигается. Главное – быть самим собой и не терять права быть таким, каков ты есть.

– Как ты ни взял – а приз отныне твой;

Как ни стрелял – задета цель твоя.

Кем ни рожден, а я уж верно Я!

– Иди, Фоконбридж, владей землей по воле короля Иоанна Безземельного, – говорит король. – Сэр Ричард, за мной! Матушка, нам пора заняться французской кампанией.

Бастард искренне желает счастья своему младшему брату.

Уходят все, кроме Бастарда.

Далее следует длинный монолог Бастарда, язвительный и слегка циничный. Юноше придется привыкать к своему новому статусу, он же теперь не просто так, а настоящий «сэр». Он любую девушку может превратить в леди, женившись на ней. Можно ходить задрав нос, не обращать внимания на тех, кто ниже рангом, и даже не помнить их имен. Придется «обычай круга знатного усвоить», поскольку общество тебя оттолкнет, если не будешь соответствовать. «Боюсь, что мне, пожалуй, не сумеешь...» – самокритично рассуждает Бастард. Ведь нужно перенять не только манеры и правила поведения, но и научиться «источать сладчайший яд из сердца, из души». Что ж, надо будет – он научится и этому, но не для того, чтобы обманывать других, а исключительно чтобы самому не пасть жертвой обмана и лживой лести и облегчить себе существование в свете.

– О! А что это за всадница скачет? – удивляется он. – И почему одна, без сопровождения?

Входят леди Фоконбридж и Джемс Герни.

Про леди Фоконбридж и так все ясно, это мать Бастарда и его младшего брата. А Джемс Герни – просто слуга.

– Да это же матушка! – радостно восклицает Бастард. – Приветствую! А что случилось? Для чего вы так спешите ко двору?

– Где твой брат? – грозно вопрошает леди Фоконбридж. – Где этот негодяй, который повсюду позорит мою честь?

– Брат? – ерничает Бастард. – Это кто, Роберт, что ли? Законный сын сэра Роберта?

Мать возмущена.

– Ты что себе позволяешь? Вы оба – законные сыновья сэра Роберта.

Бастард просит Джемса Герни выйти на минутку.

– Конечно, господин Филипп, – отвечает Герни.

– Какой на фиг Филипп? Ох, Джемс, тут такие дела пошли... Ладно, иди, я тебе потом расскажу.

Герни уходит, и Бастард начинает приставать к матери с вопросом: а кто мой папа?

– Мать, ясно же как божий день, что я не сын Фоконбриджа! Ты вспомни, каким он был, и посмотри, каков я. *«Ну мог ли он такого породить? Мы знаем, как и что он мог»*. Так кого же, матушка, мне благодарить за богатырскую статью и мощные мускулы?

Вопрос, конечно, хороший. Правильный. А главное – своевременный. А что, нельзя было задать его раньше, как только возникли какие-то сомнения? Сомнения-то возникли явно не сегодня, ведь отец уже умер, и ситуация с наследством давняя, и различия во внешнем виде братьев бросаются в глаза, недаром же Бастард постоянно издевается над Робертом, акцентируя внимание на том, что он тощий и невысокий. Почему Филипп только сейчас спрашивает у матери, кто был его отцом? Понятно, что для драматического эффекта. Но с жизненной логикой как-то плоховато.

– Ах вот как ты заговорил? С братом спелся? Ты должен защищать мою честь ради своего же блага, а ты что творишь?

– Да ладно тебе, мам! Уже всем и так понятно, что я не сын Фоконбриджа. Я официально признал свое рождение незаконным, отказался от притязаний на наследство. Но все-таки от кого ты меня родила – мне непонятно. Скажи хоть, он был приличный человек?

– Ты отрекся от рода Фоконбриджей? – в ужасе переспрашивает леди.

– Отрекся, – подтверждает ее сын.

Ну, коль так, – отпираться дальше бессмысленно, и леди признается, что действительно закрутила любовь с Ричардом Львиное Сердце.

– Он так долго и так красиво ухаживал, что я не выдержала и пустила его на супружеское ложе. Пусть Бог простит мне этот грех, я проявила слабость, – кается она.

Бастард, однако же, не скрывает восторга. Король Иоанн и королева Алиенора поверили без всяких доказательств, что Бастард рожден от короля Ричарда, положились исключительно на слова Роберта, а умный старший брат, оказывается, сомневался. Ну да, получить почести и привилегии – это классно, поэтому пусть король и королева думают, что хотят, ему, Бастарду, от этого сплошная выгода. Но все-таки хотелось бы знать, кто на самом деле его отец. Может, проходимец какой... А тут удача: его отец и в самом деле король Ричард!

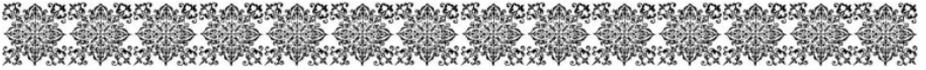
– Да ты что, мама! Если б меня кто спросил, я бы себе лучшего отца и не пожелал! И не упрекай себя, матушка, ты не согрешила, ты всего лишь пошла навстречу великой любви, потому что сердце же у нашего короля было действительно львиным, кто смог бы ему сопротивляться? Ох, мамуля, знала бы ты, как я тебе благодарен за такого отца! Вот если бы ты отказала Ричарду, это был бы настоящий грех. Пойдем, познакомлю тебя с моей новой родней.

Уходят.

Итак, закончился первый акт пьесы, можно попытаться сделать предварительные выводы о личности короля Иоанна Безземельного, пока действие еще свежо в памяти. На дерзкий выпад посла Шатильона в самом начале первой успева-ет отреагировать Элеонора, король же то ли не находит, что

ответить, то ли пропускает колкость мимо ушей, то ли слышит, но виду не подает и складывает в копилку злой памяти. В первом случае он тугодум, не отличающийся находчивостью и остроумием; во втором – мирный и добродушный человек; в третьем – сами понимаете кто. В эпизоде с братьями Фоконбридж Иоанн проявляет себя скорее ленивым тугодумом. Смотрите: в обмене остротами он не участвует, тут первенствуют Бастард и Элеонора; решение по спорному делу король выносит тоже более чем спорное со всех точек зрения, не давая себе труда подумать как следует и над юридической сутью, и над последствиями. Однако ж к светскому блеску матери он относится ревниво. Едва почувствовав, что «не тянет» в остроумной беседе, он переключает внимание на себя и без всяких правовых оснований официально признает Бастарда потомком Плантагенетов. Шаг не очень-то разумный в реалиях того времени, однако Иоанн думает в первую очередь не о государственных интересах (тут же вопросы престолонаследия маячат! Одно дело – бастард, и совсем другое – официально признанный Плантагенет), а о собственном самолюбии. Что ж, посмотрим, как будет раскрываться его характер в дальнейшем.

АКТ ВТОРОЙ

Сцена 1

Франция. Под стенами Анжера

Входят с одной стороны эригерцог Австрийский во главе своего войска, с другой – Филипп, король французский, во главе своего; Людовик, Констанция, Артур и свита.

Из пяти заявленных автором участников сцены с четырьмя нет никаких проблем.

Филипп, король Франции, примерно 36–37 лет.

Людовик, дофин, сын Филиппа, примерно 14 лет.

Констанция Бретонская, вдова Джеффри, сына Генриха Второго и Алиеноры Аквитанской, около 40 лет. Эта дама умерла в 1201 году. В принципе можно предполагать, что действие в данный момент происходит до ее кончины, но можно и вспомнить о том, что Шекспир такой ерундой вообще не заморачивался. Так что будем продолжать предполагать, что речь идет о неустановленном периоде в рамках

1200–1202 годов.

Артур Бретонский, сын Констанции и Джеффри, примерно 14 лет.

Самую большую трудность представляет идентификация персонажа, которого Шекспир назвал «Лимож, эрцгерцог Австрийский». С ним придется разбираться, как говорится, по ходу пьесы.

– Приветствуем вас у стен Анжера, доблестный эрцгерцог, – начинает дофин Людовик и сразу обращается к Артуру: – Друг мой Артур, этот человек убил твоего славного дядю Ричарда Львиное Сердце. Теперь он стремится загладить свою вину, и мы попросили его помочь нам и поддержать тебя в борьбе с твоим другим дядей, Иоанном, который преступно захватил английскую корону.

Ну надо же, как интересно! Оказывается, короля Ричарда убил эрцгерцог Австрийский! А мы-то, наивные, всегда считали, что Ричард умер от гангрены в результате ранения, полученного во время осады одного из замков на землях Гьомара, виконта Лиможского. Сам лично Гьомар Лиможский никакого отношения к смерти Ричарда, конечно, не имел: не он выпустил из арбалета ту стрелу, наконечник (болт) которой застрял у английского короля под ключицей. Но поскольку земли его, владелец замка – вассал Гьомара, то с некоторой натяжкой можно усмотреть косвенные основания... Однако ж при чем тут Австрия и эрцгерцог? Да, была, была у Ричарда Львиное Сердце история с австрийским

эрцгерцогом Леопольдом во время крестового похода: не поделили славу при взятии Акры. Ричард тогда сорвал штандарт Австрийца и, как утверждают некоторые историки, даже потоптал его ногами. Леопольд такого не простил, и когда Ричард возвращался из похода, стараясь не попадаться никому на глаза (поскольку умудрился перессориться со всей Европой и на него была объявлена охота), эрцгерцог очень удачно его поймал и взял в плен, после чего продал германскому королю Генриху, который был к тому же и императором Священной Римской империи. Иными словами, в глазах англичан этот австрийский руководитель – плохой парень, посмевшийся поднять руку на обожаемого короля Львиное Сердце. Похоже, объединив в имени персонажа Лимож и Австрию, Шекспир вывел на сцену некую мифическую личность, на которую английский зритель может обрушить и негодование, и презрение. Такую фигуру, которую во время представления можно «захлопывать» (подобная версия подтверждается и Всеволодом Дмитриевичем Костомаровым в примечаниях к переводу 1865 года, и Айзеком Азимовым в книге «Путеводитель по Шекспиру. Английские пьесы»).

Ладно, читаем дальше, может, что-нибудь прояснится.

– Бог простит вам смерть короля Ричарда за то, что вы помогаете правому делу, – говорит Артур эрцгерцогу. – У меня самого еще мало сил, но верную дружбу я вам обещаю.

– Славный мальчик, – одобрительно кивает Людовик. – Просто грех не помочь тебе отстаять свои права.

А вот мне интересно, сколько лет, по мнению Шекспира, этому дофину Людовику? С высоты какого возраста он может так снисходительно говорить об Артуре: «славный мальчик»? Напоминаю: Артур и Людовик – ровесники, оба родились в 1187 году, и если действие происходит примерно в 1200–1201 году, то им по 13–14 лет. Обоим.

Эрцгерцог целует Артура и клянется не прекращать военной помощи до тех пор, пока претендент на престол не вернет себе Англию и все французские владения. Констанция, мать Артура, горячо благодарит эрцгерцога за готовность помочь и обещает, что Артур оплатит сторицей, когда получит власть и окрепнет.

Король Филипп демонстрирует недюжинную воинственность и обещает, что юный принц войдет в город с победой, даже если придется залить улицы французской кровью. А ничего себе подход, да? Король Франции легко готов пожертвовать жизнями собственных подданных, чтобы мальчик, наполовину англичанин, сел на английский престол. Понятно, что здесь уже не просто вопрос принципа «кого считать правильным наследником короны», а соображения геополитического порядка. Мальчик-то англичанин только на одну половину, а на другую он француз, и при помощи умелых манипуляций можно будет отжать у него территории, расположенные на континенте и принадлежащие Англии.

Констанция, однако, воинственного пыла Филиппа не разделяет.

– Давайте подождем Шатильона. Может быть, ему удастся добиться мира переговорами. Если мы завяжем бой, то как бы нам потом не пожалеть о напрасно пролитой крови.

Входит Шатильон.

– Ничего себе! – удивляется Филипп. – Только Констанция тебя помянула – а ты уж тут как тут. Ну, какой ответ ты принес? А то мы без тебя не начинаем, ждем, что ты скажешь.

– Осаду Анжера нужно снять, – говорит Шатильон. – Войска понадобятся для других битв. Король Англии отказывается уступить трон Артуру и объявил нам войну. Пока я ждал на берегу попутного ветра, чтобы переплыть через пролив, Иоанн успел собрать армию, прибыл сюда одновременно со мной, он уже здесь, под городом. С ним королева-мать, эта злая ведьма, ее племянница, принцесса Бланка, и еще бабстард покойного короля Ричарда. Ну и полчище отчаянных и буйных добровольцев. Таких неистовых головорезов на нашей земле еще не видывали.

Хорошая речь. Особенно если учесть, что в XIII веке (как, впрочем, и в XV, и в XVI) ни одна армия не могла перемещаться с такой же скоростью, с какой передвигается человек, пусть даже с небольшой свитой и каким-то багажом. Уж не говоря о том, что армию перед этим нужно собрать и вооружить, а на это требуется время, причем немалое. Ну и с прин-

цессой Бланкой не все понятно. Почему Шатильон называет ее племянницей королевы Алиеноры? Если она кому и племянница, то королю Иоанну (дочь его родной сестры), а вот Алиеноре она внучка. К слову заметим, в этой сцене Бланка никак не должна была появиться. Дело в том, что по договоренности между монархами Англии и Франции одна из внучек Алиеноры должна была выйти замуж за дофина Людовика. Одна из трех дочерей Алиеноры была выдана замуж в Испанию, и французский король хотел иметь в невестках именно «испанскую внучку» (тут снова геополитические мотивы, мы в них углубляться не станем). Однако внучек в Испании было несколько, а в договоре имя будущей невесты не прописали. Это дало Алиеноре возможность самой решать, какую именно девочку отдавать французам. Для этого она поехала в Испанию, прожила там какое-то время, присмотрелась к девицам и выбрала Бланку как наиболее соответствовавшую требованиям, предъявляемым к будущей королеве. После чего самолично привезла Бланку во Францию, где в 1200 году (то есть за полтора-два года до описываемых событий) девушка вступила в брак с дофином Людовиком. А теперь подумайте, как так могло получиться: во время разговора с Шатильоном и объявления войны Алиенора была еще в Англии, в Нортгемптоне, теперь же, пока бедный Шатильон ждал у моря погоды, успела добраться до Испании, пожить там и привезти Бланку на территорию Франции. Не иначе как частным суперджетом летала...

За сценой – барабанный бой.

– Они пришли, – говорит Шатильон. – Англичане готовы и к переговорам, и к сражению. Нам тоже нужно подготовиться.

Филипп растерян:

– Черт, я не думал, что они так быстро окажутся здесь.

А эрцгерцог, напротив, бодрится:

– Ничего, справимся. Пусть нападают, мы им дадим достойный отпор.

Входят король Иоанн, Элеонора, Бланка, Бастард, вельможи и войско.

Иоанн с ходу обозначает свои намерения.

– Мы вас не тронем, если не станете сопротивляться и позволите спокойно вступить на принадлежащие нам территории. Если же нет – зальем все кровью и добьемся своего.

– И мы вас не тронем, если развернетесь и уйдете обратно в Англию, не затевая сражения, – тут же парирует король Филипп. – Мы любим Англию и не хотим проливать кровь ваших воинов. А вот ты, Иоанн, похоже, свою страну совсем не любишь, потому что ограбил законного наследника престола, неправоммерно отняв у него корону. Ты посмотри на мальчика: он же точная уменьшенная копия твоего брата Джеффа-

ри (персонажи Шекспира называют его Готфридом). Джеффри был твоим старшим братом, а Артур – его прямой потомок и наследник. Как же ты посмел назваться королем и сесть на трон, когда сын твоего старшего брата жив-здоров?

Разумных аргументов у Иоанна отчего-то не находится, и он вместо ответа задает встречный вопрос:

– А ты кто такой вообще, чтобы меня допрашивать?

Ничего не напоминает? Очень похоже на типичную дворовую разборку.

– Я – король, помазанник Божий, и это означает, что мне Всевышний вменил в обязанность пресекать любую несправедливость. Этот мальчик поставлен под мою защиту, и Господь поможет мне расправиться с тобой за все то зло, которое ты причинил Артуру.

– То есть ты собрался стать захватчиком?

– Наоборот: хочу захватчика победить.

Тут подает голос Элеонора и спрашивает Филиппа:

– Это кто же тут, по-твоему, захватчик?

Но вместо короля ей отвечает Констанция, мать принца Артура:

– Как это – кто? Твой бессовестный сын, вот кто!

– Заткнись, – огрызается Элеонора. – Сама хочешь стать королевой и все контролировать, вот и пропихиваешь на трон своего убудка.

Хм... И что это было? С какой стати Элеонора называет родного внука убудком? У нее есть сомнения в закон-

норожденности принца? Констанция давала повод подозревать себя в неверности? Ни в одном источнике не упоминается даже о слухах на эту тему. Ладно, допустим, в данном контексте слово «ублюдок» употребляется как обычное бранное, а не равное понятию «бастард». Но опять же, почему? Родной внук! Сын погибшего сына Джеффри! И, кстати, вряд ли Алиенора вообще когда-либо ранее видела этого подростка. Что он мог ей сделать плохого, чем заслужил оскорбление? Снова придется обратиться к английскому оригиналу. А там черным по белому написано: *bastard*. Стало быть, у Элеоноры есть какие-то сомнения в отцовстве своего сыночка. Странно...

– Я твоему сыну всегда была верна и не изменяла, – отвечает Констанция. – Мой мальчик гораздо больше похож на Джеффри, чем Иоанн – на тебя саму, между прочим. Хотя характер у Иоанна такой же мерзкий, как у тебя, в этом уж точно родня. Это ты моего Артура посмела назвать ублюдком? Да уж скорее ублюдком был его отец, потому что его родила ты, а от тебя можно ждать чего угодно.

На что это, интересно, намекает Констанция? Да, в биографии Алиеноры Аквитанской были, мягко говоря, сомнительные моменты. И во время Крестового похода, в который она отправилась вместе со своим первым мужем, королем Людовиком Седьмым. И после него, уже во Франции, с дядюшкой второго мужа, Генриха. Ну и вообще, Алиенора в молодости была очень красива и от недостатка мужского

внимания не страдала. Ее родина и самое любимое место на земле – прекрасная Аквитания, а там трубадуры, куртуазная любовь и всякое такое.

– Вот, Артур, смотри, как твоя мать позорит твоего отца, намекает на то, что он бастард, – гневно произносит Элеонора.

– Нет, сынок, ты только послушай, как тебя позорит бабка, – не уступает ей Констанция.

Наконец, в свару вмешивается эрцгерцог, которому надоело слушать перебранку двух женщин.

– Давайте потише, дамы. Угмонитесь.

И тут же вылезает Бастард со своим неумным остроумием.

– Ой, это же глашатай! Сейчас он нам скажет что-то важное!

– Что это за шут? – недовольно спрашивает эрцгерцог.

– Да, я шут, вот и сыграю с тобой шутку: сорву с тебя шкуру льва вместе с твоей собственной кожей. Ты же труслив, как заяц, ты можешь только мертвых львов за гриву подергать, а к живым подступиться у тебя духу не хватает. Вот ей-богу, я тебя выкурю из львиной шкуры.

Так. Похоже, Шекспир этой игрой слов прямо намекает на Леопольда Австрийского.

– Носить шкуру льва имеет право только тот, кто сам убил этого льва, – ни с того ни с сего поддакивает принцесса Бланка Испанская.

Можно подумать, ее мнением кто-то интересовался. А может, ей понравился лихой остряк Бастард, и она таким манером пытается привлечь его внимание? Жених-то, Людовик, тоже здесь, но он не так привлекателен, как этот мощный, атлетически сложенный весельчак и балагур. Кто знает... Возможно, автор просто вдруг вспомнил, что девчонка стоит на сцене без дела, неприкаянная, и решил дать ей реплику, чтобы не просто так подмости протирали.

А Бастард все не унимается.

– Ему шкура льва так же впору, как ослу – обувь сыновей Геракла. Ну ничего, я или сниму с него эту ношу, или вообще хребет сломаю.

Эрцгерцог, кажется, вконец обалдел от болтовни, совершенно неуместной в предложенных обстоятельствах.

– Да что это за трескотня, от которой уши вянут?! Филипп, Людовик, что вы молчите? Сделайте же что-нибудь!

– Так, бабам и дуракам немедленно заткнуться! – командует дофин Людовик. – Король Иоанн, слушай сюда: от имени Артура Бретонского мы требуем, чтобы ты отдал ему английский трон и все французские владения. Ты согласен это сделать?

– Да я скорее сдохну, чем соглашусь, – гордо отвечает Иоанн. – Король Филипп, принимай мой вызов! А ты, Артур, лучше переходи на мою сторону. Будешь хорошим мальчиком – получишь от меня намного больше, чем этот трусливый француз сможет для тебя отвоевать. Доверься нам, не

пожалеешь.

– Доверься бабушке, внучек, – медоточиво советует Элеонора.

– Давай, детка, иди к бабушке на ручки, – язвит Констанция. – Отдай ей королевство, а она тебе за это подарит изюминку, или вишенку, или инжиринку, она же очень добрая.

Вообще-то в этом месте в переводе Н. Рыковой есть прелестная игра слов: «...изюминку, и вишенку, и фигову...» А уж читатель пусть воспринимает в меру собственной испорченности и решает, идет ли речь о плоде фигового дерева (инжире) или о кукише. В любом случае понятно, что, по мнению Констанции, ее сын не получит ничего стоящего.

Ох, бедный Артур! Мать и бабка буквально рвут его на части, каждая тянет в свою сторону.

– Мам, ну не надо! – просит он. – Лучше бы я умер, чтобы не видеть, как жестоко из-за меня ссорятся.

– Ему стыдно за мать, – сочувственно вздыхает Элеонора. – Плачет, бедный ребенок.

Констанция яростно бросается на свекровь.

– Это вам должно быть стыдно! Это вы, его бабка, позорите его, а не я! Это вы его обидели так, что мальчик теперь плачет.

А ничего себе мальчик, правда? Четырнадцать лет, собрался быть королем Англии – и расплакался, когда мама с бабушкой поссорились? На самом деле Артур Бретонский был вовсе не таков. Он в том возрасте не только сам возглав-

лял войско, но и умудрился осадить в замке Мирабо родную бабулю Элеонору. Хорошо, что Иоанн тогда успел к матери на подмогу, разбил отряд Артура, а племянника посадил под замок. Шекспир же почему-то делает из него нежного невинного деточку.

– Клевета! – визжит Элеонора.

– В чем клевета? Ты вместе со своим сыном отняла у ребенка власть, корону, все права. Его отец – твой старший сын, а ты королем сделала младшего, и мальчик страдает по твоей вине, а не по моей. Он сейчас расплачивается за твои грехи!

– Молчи, безумная! – предостерегает ее Иоанн.

(В оригинале Иоанн произносит: «Какой-то сумасшедший дом, ей-богу». То есть эмоция, как видите, несколько иная. Ну переводчику виднее, конечно).

Но Констанция не умолкает и продолжает упрекать свекровь в неких прегрешениях, о которых нам автор пьесы пока не рассказывал. И неизвестно, расскажет ли в дальнейшем. А хотелось бы узнать, что Констанция имеет в виду.

– Бог карает моего мальчика за все ее грехи! Будь она проклята! Она во всем виновата!

Элеонора отчего-то не пытается прояснить ситуацию и узнать у невестки, что, собственно говоря, Констанция вменяет ей в вину и о каких таких страшных грехах ведет речь. Очевидно, знает, где собака зарыта. Чтобы уйти от скользкой темы, она переводит разговор на вопросы престолонаследия.

– Ругайся сколько угодно, суть-то не изменится, – говорит королева. – По завещанию Ричарда Артур лишился права на трон и королем стал Иоанн.

Здесь сделаем небольшую остановку и кое-что разъясним для тех, кто не совсем в курсе. Мы уже говорили о том, что король Ричард, отправляясь в крестовый поход, назвал своим преемником племянника, Артура Бретонского, которому в ту пору было три годика. Война – дело опасное, и любой правитель, ввязываясь в военную кампанию, обязан был позаботиться о том, чтобы в случае какой беды страна не осталась без правителя и в связи с борьбой за корону не разгорелась бы гражданская война. Разумеется, Ричард мог бы назвать преемником своего младшего брата Иоанна, вполне уже взрослого к тому времени, но у короля были свои резоны, в которые мы сейчас углубляться не станем, дабы не отвлекаться от главного. Будущего монарха по правилам следовало немедленно отправить в Англию, чтобы он рос в той стране, которой ему предстоит править, изучал нравы, обычаи, порядки и законы, узнавал людей и строил с ними отношения. А как иначе потом руководить-то? Но Констанция воспротивилась и сына в Англию не отдала, пусть, дескать, растет в Бретани. Ричард Львиное Сердце вернулся в 1194 году из крестового похода и потребовал, чтобы Артура как преемника все-таки выдали ему для взращивания и воспитания. И снова Констанция отказалась. Хуже того, она отправила сына ко двору французского короля Филиппа. Ви-

дя такое дело, Ричард понял, что племянника ему испортят: мальчишка вырастет под французским влиянием, а король Франции станет для него непререкаемым авторитетом. Филипп просто сделает из Артура свою марионетку. Можно ли сажать на английской трон человека, которым руководят из недружественной державы? Понятно, что нет. Поэтому перед самой смертью Ричард изменил завещание и назвал своим преемником Иоанна, хоть и не любил он младшего брата, и в грош его не ставил.

Констанция в ответ на слова Элеоноры подвергает сомнению законность последней воли короля Ричарда.

– О, да, знаем мы это завещание! Ты сама его подделала в пользу своего сына!

В перебранку вмешивается Филипп:

– Дамы, давайте успокоимся! Неприлично затевать ссору в таких условиях. Давайте вызовем граждан Анжера, пусть они сами скажут, кого считают королем.

Типа «проведем референдум на новых территориях». Все уже было...

У читателя-зрителя может возникнуть вполне законный вопрос: а с какой это стати жители французского города должны определять, кто должен быть королем Англии? Напоминаю для тех, кто подзабыл историю: Анжер – столица графства Анжу, которое принадлежит Англии. Дед Иоанна, Жоффруа Анжуйский, женился на Матильде, дочери короля Генриха Первого, и принес графство Анжу в приданое,

сделав его частью Англии. Однако король Филипп придерживался другого мнения, и когда Констанция Бретонская отправила сыночка Артура к французскому двору, отписал мальчику анжуйские земли, которые Иоанн считал своими по праву наследования.

Трубы. На сцену выходят несколько горожан.

– Кто вызвал нас на городскую стену? – спрашивает Первый горожанин.

– Вызвал я, король Франции, для решения вопроса, касающегося Англии, – отвечает Филипп.

– Нет, я вызвал, – вмешивается Иоанн. – Я король Англии и вызываю своих подданных для решения вопроса, касающегося моей страны.

Как видим, Иоанн снова упускает «право первой реплики». Похоже, с реакцией у него и впрямь плоховато.

Но Филипп не дает отстранить себя от диалога с населением.

– Жители города Анжера, подданные короля Артура, мы вызываем вас на совет...

Однако Иоанн снова перебивает его и продолжает гнуть свое:

– Слушайте меня, жители Анжера! Злобные французы подошли к городским стенам и готовятся обрушить на вас всю мощь орудий. Но мы быстро подросли на вашу защиту, и те-

перь французы испугались и просят нас о переговорах, чтобы разойтись мирно. А вот если бы мы не успели вовремя, от вашего города уже камня на камне не осталось бы. Живые французы теперь делают вид, что им важно ваше мнение. Не верьте им, они пытаются вас одурманить. Верить вы должны только мне, вашему законному королю. Надеюсь, вы выпустите мои войска в город, чтобы мы смогли отдохнуть после дальней дороги.

Филипп не отступает, у него тоже речуга заготовлена.

– А теперь послушайте меня! Я защищаю права Артура, который должен быть королем Англии, потому что он – сын старшего брата, а Иоанн – младший брат. Лично против жителей Анжера я ничего не имею, но требую, чтобы вы вместе со мной вступились за права угнетенного. Если признаете Артура Бретонского королем – мои войска спокойно уйдут без единого выстрела, и всем будет мир и счастье. Но если вы откажетесь его признавать, я ваш город уничтожу вместе с вами. Решайте: или признаете Артура королем, или я даю сигнал к сражению.

Король Иоанн перед стенами Анжера. Художник Henry Courtney Selous, гравёр Linton, 1860-е.

Первый горожанин отвечает:

– Наш законный монарх – король Англии. Анжер стоит за него.

Вроде бы ответ однозначный, правда? А вот и нет.

– Отлично! – радуется Иоанн. – Тогда откройте нам ворота!

– Открыть ворота не можем. Сначала докажите, что у вас законные права. Докажете – откроем.

Вот оно как, оказывается. То есть Анжер ни секунды не сомневается в том, что находится под властью английской короны. Но вот кто ее носит на голове, корону эту, – вопрос совершенно иной. Другими словами, «вы уж там разберитесь, кто из вас король Англии, а мы потом откроем двери тому, кто окажется королем».

– На мне же английская корона, вы что, не видите? – возмущается Иоанн. – И тридцать тысяч человек, которые могут быть свидетелями...

– Ага, и бастардов, – подсказывает Бастард.

– Они готовы жизнь отдать за мое право быть королем, – настаивает Иоанн.

– А у меня народу в войсках не меньше, – вклинивается Филипп. – И такие же благородные рыцари.

– Небось тоже бастардов полно, – замечает Бастард.

Первый горожанин не дает сбить себя с толку и твердо заявляет:

– Так вот, господа, вы там между собой решайте, чьи права законны, а чьи – нет. Кого признаете законным, тот и будет нашим королем.

Тут Иоанн и Филипп понимают, что переговоры с населением безнадежно проиграны, популистские штучки не прошли, и призывают свои войска начать сражение.

А Бастард тем временем не упускает возможности сказать гадость эрцгерцогу:

– Ты, в шкуру завернутый, знай: мне бы только попасть в твою берлогу – уж я бы с твоей львицей позабавился. Прикинь, какой видок будет: над твоей гривой вот такенные рога вырастут! Ну чисто чудище!

– Молчи, наглец!

– Ой, какой ужас, как я испугался! Лев зарычал!

Оба короля раздают указания, как расставить войска. При этом по репликам становится понятно, что правой рукой короля Филиппа в военном деле является его сын, дофин Людовик, а главной опорой Иоанна уже стал Бастард.

Все уходят. После нескольких стычек входит французский герольд с трубой; он подходит к городским воротам.

– Жители Анжера, распахните ворота, впустите своего законного короля Артура! Англичане разбиты! Мы победили

и провозгласили Артура королем!

Входит английский герольд с трубой.

– Ликуй, Анжер, и встречай победителей! Французы разгромлены, приветствуйте своего короля Иоанна Английского!

Интересное кино... И где же правда? Первого горожанина этот вопрос тоже интересуется.

– Уважаемые герольды, мы с башен следили за ходом битвы и вынуждены признать, что победителя определить невозможно. С обеих сторон проявлены мужество и отвага, с обеих сторон огромные потери, а явного преимущества ни за кем не видать. Пока не увидим, что одно войско заметно превосходит другое, мы никому ворота не откроем.

Оказывается, наблюдателей на выборах придумали уже тогда...

Входят с разных сторон оба короля с войсками и приближенными.

– Слушай, Филипп, может, уже хватит? Столько французской крови пролилось... – говорит Иоанн. – Признай, наконец, мои права, и закончим эту возню.

– Ну, допустим, английской крови пролилось не меньше, чем нашей, – возражает король Филипп. – И мы будем биться

до победного, даже если мне самому придется погибнуть.

Бастард явно наслаждается войной, ему страшно нравится, когда у королей кипит кровь и *«оскалены стальные зубы смерти»*. Он сердится, что движуха приостановилась и короли о чем-то там разговаривают вместо того, чтобы биться насмерть.

– Почему войска стоят без дела? Товарищи короли, поднимайте их на смертный бой! Вы равные по силе противники, давайте сражайтесь. Пусть один падет, а другой получит то, что хочет.

Но короли чего-то не рвутся в бой, они больше до разговоров охочи. Поэтому опять начинают ту же волюнку: по очереди спрашивают у горожан, на чьей они стороне и кого признают английским королем. Однако Первый горожанин, выступая от имени всех жителей города, твердо стоит на своей позиции:

– Наш король – законный король Англии. А кто конкретно – выясняйте сами, без нас.

– Король Англии – юный принц Артур, – настаивает Филипп.

Иоанн, само собой, не согласен.

– Нет, законный король Англии – я.

– Пока вы спорите, мы будем сомневаться, – предупреждает Первый горожанин. – Нам нужны твердые доказательства, чтобы мы могли быть уверены, что Всевышний одобряет кандидатуру.

Ну, понятное дело, спор решается поединком. Кто победил – на стороне того Господь, значит, он и прав.

Бастард окончательно теряет терпение.

– Ребята, вы что, не понимаете, что горожане над вами просто издеваются? Вы тут, понимаешь, бьетесь, кровь проливаете, а они устроились за бойницами и глазеют, как на бесплатный цирк. Еще и морочат вам голову, мол, нет, недостаточно, мы еще не решили, давайте сражайтесь дальше. А ситуация у вас патовая: войска равны по силе, и никому из вас не победить, пока все не поумираете. Знаете, как нужно сделать? Забудьте на время вражду, объединитесь и задайте вместе жару этим анжерцам. Да так, чтобы им мало не показалось! Закройте вопрос с Анжером, а потом будете сражаться друг с другом, и вот тогда Фортуна точно выберет кого-то из вас в любимчики и даст возможность одержать убедительную победу. Ну, как вам мой совет? Понимаю, что он безрассудный, но, может, увидите в нем хоть что-то полезное.

Иоанн идею сразу одобряет.

– Отличный совет! Филипп, давай и вправду сровняем Анжер с землей, а потом уж будем сражаться, чтобы выяснить, кто тут король.

– Правильно, – подхватывает Бастард. – Нахальный городишко вас обоих оскорбил, и если вы короли не только на словах, но и на деле, вы должны разнести тут все в мусор. А потом уж последняя схватка решит, кому из вас в рай, кому

– в ад.

Филипп соглашается, после чего оба короля и эрцгерцог быстро определяют порядок взаимодействия: кто с какой стороны будет бить.

А вот с таким разворотом событий Первый горожанин уже не согласен. Одно дело – смотреть на бой тигров в долине, сидя на холме, и совсем другое – находиться в осажденном городе.

– Стойте, граждане короли, стойте! – кричит он. – У меня есть идея! Я придумал, как вам заключить мир и добиться прочного дружественного союза без всякого кровопролития.

– Говори, – требует Иоанн. – Послушаем, что ты там надумал.

– Принцесса Бланка Испанская – она же родня королю Англии, правильно? А по возрасту она как раз подходит французскому дофину Людовику. Она красивая, знатного рода, непорочная и чистая душой. Это был бы идеальный союз! Англия и Франция едины! Если бы вы, товарищи монархи, прямо сейчас тут сговорились об этом браке, мы бы без всяких разговоров открыли вам ворота Анжера. А уж если не договоритесь, тогда извиняйте – костями ляжем, но ворота не откроем и город отстоим.

Вот оно как, оказывается: брачный союз между Людовиком и Бланкой был придуман гражданами славного города Анжера! Коль так, тогда вообще непонятно, как Бланка могла там оказаться. Девуцу королевской крови можно было вы-

везти из родной страны только «взамуж», а у Шекспира получается, что ее взяли прокатиться в чужие земли да на поле боя. Из Кастилии в Анжу. Ну а чего, нормально, проветрилась девочка, развлеклась, мир посмотрела. Ладно, не буду придираться по каждому поводу, у Шекспира с историческими фактами никогда особой дружбы не было.

Бастард в ярости: снова какая-то болтовня и проволоочки! Когда же, наконец, начнется настоящая драка? У него кулаки чешутся.

– Опять помеха! Что ж он никак не уймется, этот говорун? Все мелет и мелет какую-то чушь про смерть, про пушки, про моря и скалы...

Поясню насчет «морей и скал»: речь Первого горожанина с предложением о заключении брачного союза между Людовиком и Бланкой действительно довольно длинная, и в ней много цветистых сравнений и метафор, которые я, разумеется, опустила. Там и скалы, и моря, и потоки, и твердыни, и пушки, и порох, и дикие львы... Чего там только нет! Я бы и сейчас не стала упоминать о такой лингвистической избыточности, если бы не слова Бастарда. А пропустить их в пересказе нельзя, потому что они в данном случае важны для характеристики персонажа и для понимания того, как он думает и чувствует. Наш Бастард – вояка и человек дела, а все вот эти лютики-цветочки и дипломатические хитрости ему глубоко чужды.

А вот королева Элеонора предложение Первого горожа-

нина сразу оценила.

– Соглашайся, сынок, – тихонько говорит она Иоанну. – И обязательно назначь своей племяннице щедрое приданое. Этот союз укрепит твое положение на троне, Артур после этого уже никогда не сможет сравняться с тобой по силе и влиятельности. Филипп, кажется, тоже понимает, что предложение хорошее. Смотри, как они шепчутся, обсуждают, прикидывают выгоду. Давай, вмешайся, подтолкни их, пока они не передумали.

– Что же вы не отвечаете на мое предложение? – нетерпеливо спрашивает Первый горожанин.

– Что скажешь, Иоанн? – говорит король Филипп. – Высказывайся первым.

– Если Людовик согласен взять Бланку в жены и любить ее, то я дам за ней отличное приданое, – отвечает Иоанн и перечисляет французские владения, которыми он готов позолотить брачное ложе невесты.

Перечень поистине впечатляющий: все, *«что здесь, на этих берегах, подвластно нам»*, за исключением осажденно-го Анжера. Анжер, напоминаю, – всего лишь один город, а само графство Анжу Иоанн тоже собирается отдать.

– А ты, сын, что скажешь? – обращается Филипп к Людовику. – Посмотри на Бланку. Как она тебе?

Дофин в полном восторге от девушки и принимается весьма поэтично описывать, как ему нравится его собственный облик, который он видит *«в блестящем зеркале ее очей»*.

Проще говоря, «если такая девушка согласится стать моей женой, значит, я сам – ого-го!» Ну, что-то типа этого.

И тут же о чем-то *шепчется с Бланкой*.

– «В блестящем зеркале ее очей», – передразнивает Бастард и раздражается тирадой о глупости влюбленных и о том, что все эти шуры-муры кончатся как всегда, плохо.

Принцесса Бланка отвечает на предложение со сдержанным достоинством.

– Желание моего дяди Иоанна для меня священо. Если он увидел в вас, Людовик, достойного супруга для меня, то и я готова это увидеть. Иными словами, я смогу вас полюбить. Не стану льстить вам, дофин: не все ваши черты, которые я вижу, достойны любви. Но того, за что вас можно ненавидеть, я тоже пока не нахожу.

– Дети, решайте, – говорит Иоанн. – Что скажешь, племянница?

– Я верю в мудрость вашего решения, – уклончиво отвечает Бланка.

– А ты, дофин, будешь любить принцессу?

– Да я уже люблю! – откликается восторженный Людовик.

– Тогда получишь вместе с ней пять провинций плюс десять тысяч английских марок. Если тебя устраивает такое приданое, пусть король Филипп велит детям соединить руки.

– Я очень рад, – говорит Филипп. – Принц и принцесса, обручаю вас.

– И пусть поцелуются, – добавляет эрцгерцог. – Так положено, когда клянутся в любви.

– Ну, анжерцы, теперь открывайте ворота! – провозглашает Филипп. – Вы помогли нам укрепить дружбу, мы больше не воюем. Кстати, а где Констанция? – вдруг спохватывается он. – Если бы она была здесь, вряд ли нам бы удалось так легко договориться о помолвке. Кто знает, где она и принц Артур?

– У вас в шатре, скорбит и сердится, – отвечает дофин Людовик.

Филипп удрученно качает головой.

– Да уж, наш союз ей поперек горла встанет. Мы сюда пришли, чтобы помочь ей сделать Артура королем, а вместо этого договорились и все порешали между собой. Иоанн, как думаешь, чем бы нам утешить вдову?

– Не переживай, я все улажу, – успокаивает его Иоанн. – Артура утвердим герцогом Бретонским, еще подарим ему титул графа Ричмонда и отдадим Анжер в придачу. Констанции пошлем приглашение на свадьбу. Думаю, этого хватит, чтобы заткнуть ее на какое-то время. А теперь пойдем готовиться к торжествам!

*Уходят все, кроме **Бастарда**, который, впав в ярость, произносит очень классный монолог о корысти и соблазне.*

– *Безумный мир! Безумцы короли! Безумен их союз!* – в отчаянии восклицает он. – Иоанн хотел лишить Артура Англии и французских владений, а в итоге эти территории на

континенте сам же и отдал, часть – Бланке в качестве приданого, часть – Артуру в утешение. Так стоила ли игра свеч? А король Франции что натворил? Шел на битву, чтобы из благородных побуждений защитить и поддержать Артура, но корысть взяла верх и сбила его с пути истинного. Этот хитрый бес корысти заставляет и королей, и обычных людей изменять своим клятвам, нарушать данное слово. «Корысть, ты совратительница мира!» Мелькнула перед глазами «коварного француза, его от цели доброй отвела, от благородно начатой войны к гнуснейшему, постыднейшему миру». Но почему, собственно, я так ополчился на Корысть? Разве только она одна во всем виновата? А я вам отвечу: мне легко хаять Корысть, потому что я не знал соблазна. Знаете, очень легко сказать «я никогда не возьму взятку», если ее никто и не предлагал. А вот если предложат, если Соблазн станет тебя искушать... Тут еще неизвестно что выйдет.

*Смогу ли гордо руку сжать в кулак,
Когда червонцы, ангелы Корысти,
Ладонь мою попробуют ласкать?*

– Сытый голодного не разумеет, нищий богатого не поймет, – подводит Бастард итог своим рассуждениям. – Если уж короли пошли на поводу у Корысти, то и мне не грех подумать о Выгоде.

Корысти короли предались ныне, —

Так будь же, Выгода, моей богиней.

Уходит.

Что можно сказать о короле Иоанне по итогу второго акта? Да почти ничего! Он ведет себя в точности так же, как Филипп Французский: оба произносят одинаковые слова и совершают одни и те же поступки. Оба «пугают телом», но предпочитают переговоры, даже на референдум готовы. Однако есть и новое цветковое пятно на холсте. Королева Элеонора потихоньку советует сыну принять предложение о браке Бланки и Людовика и скрепить его щедрым приданым. И Иоанн без малейших возражений следует этому совету, хотя в первом акте пьесы он заявлен как человек, пренебрегающий мнением матери (помните, как Элеонора сетует, что сын ее не послушался и теперь с Францией возникают проблемы?). А дальше происходит поистине удивительное: он объявляет, что отдает за Бланкой солидные территории, являющиеся частью английских владений во Франции. Так отчаянно биться за сохранение своего наследства и вдруг отдать огромный кусок добровольно? На самом деле при обсуждении условий брачного договора «земельное» приданое Бланки Испанской оказалось куда скромнее, но это бог с ним. Забавно другое: для умиротворения Констанции и Артура он предлагает подарить принцу титулы герцога Бретани и графа Ричмонда. Позвольте, друзья мои, а разве Ар-

тур Бретонский не является герцогом Бретани по праву рождения? Является. И графом Ричмондом он тоже является, поскольку еще со времен Вильгельма Завоевателя этот титул по традиции автоматически присваивается тому, кто владеет Бретанью. Когда Джеффри женился на Констанции Бретонской, он в соответствующее время и стал хозяином Бретани, а после его гибели титулы и права перешли к сыну Артуру. Правда, пока Артур был маленьким, герцогиней и графиней, а также регентом при малолетнем Артуре числилась его мама, Констанция. Но когда она, презрев требования Ричарда Львиное Сердце, отправила сыночка ко французскому двору, король Филипп в пику англичанам официально признал Артура герцогом Бретонским и графом Ричмондом. Так в чем же «подарочек»? А ни в чем. Король Иоанн предложил королю Филиппу официально согласиться с тем, что Артур имеет право на то, что у него и так есть. И Филипп, прекрасно понимая, что происходит, соглашается. Если со стороны Иоанна это выглядит «аттракционом невиданной щедрости», то поведение Филиппа нельзя назвать иначе как «кидок». Король Франции пообещал Констанции и Артуру помощь в борьбе за трон, но предал их, договорившись с Иоанном, Констанция отжалел утешительный приз в виде приглашения на свадьбу, Артур же не получил вообще ничего.

Такого ли результата ожидала королева Элеонора? Подразумевала ли она под щедрым приданым целых пять провинций? Думаю, что вряд ли. По первому впечатлению выходит,

что Иоанн принял совет матери, поскольку сам не смог придумать ничего лучше, но воплотил его все равно по-своему: лживо и в известном смысле жестоко. Признать интеллектуальное превосходство опытной правительницы и сделать в точности так, как она советует, выше его сил. Ну просто нож в сердце! «Я самый умный и знаю, как правильно».

И еще одно забавное наблюдение. Помните, как принцесса Бланка ни с того ни с сего подавала голос в поддержку Бастарда, когда тот начал издеваться над эрцгерцогом? Мне в тот момент показалось, что молодой атлет ей понравился, и словесная поддержка была ничем иным как флиртом с ее стороны. Дальше по ходу действия это никак не отыгрывается. Но у Азимова есть объяснение: если считать, что Шекспир, создавая «Короля Иоанна», опирался на текст «Беспокойного правления...», то мы имеем здесь дело с обычной авторской небрежностью. Оказывается, в «Беспокойном правлении» Бланка была обещана Бастарду! И во время всей сцены принцесса уже рассматривала юношу как своего будущего жениха, потому и влезла со своей репликой. Сам факт «обещания принцессы в жены внебрачному сыну короля» Шекспир убрал, а неуместную реплику пропустил. При таком раскладе становится понятно, почему финальный монолог Бастарда полон праведного негодования. «Таким образом, Бастард, предвкушавший брак с красивой и знатной невестой, тоже оказался обманутым, – пишет Азимов. – Естественно, корыстность двух королей приводит его

в ярость. Шекспир совершил ошибку, пропустив фразу, объяснявшую причину гнева, а смягчать выражение этого гнева поленился»⁶.

⁶ Азимов А. Путеводитель по Шекспиру. Английские пьесы. – М., 2017. С. 235.

Акт третий

Сцена 1

Палатка французского короля

Входят Констанция, Артур и Солсбери.

Констанция уже слышала от Солсбери последние новости. Они столь ужасны, что она отказывается верить.

– Бланка и Людовик венчаются! Короли заключают мир! Да как это может быть? Ты, наверное, что-то не так понял, чего-то не расслышал. Или ты решил надо мной подшутить и специально обманываешь? Мне же король лично поклялся! Ну признайся: это была шутка?

Наконец, она замечает, что вид у Солсбери (если кто уже забыл – это Уильям Длинный Меч, внебрачный сын короля Генриха Второго, то есть единокровный братец Иоанна) довольно-таки унылый и чуть не слезы на глазах. С таким выражением на лице шутки обычно не шутят.

– Так что? – спрашивает Констанция. – Неужели это прав-

да?

– Я рассказал все как есть.

– Лучше бы я умерла от горя, чем слышать такое! Дофин женится на Бланке! А мой сын? Что с ним будет? Француз и англичанин теперь дружат, а мне что делать? Уйди с глаз моих, видеть тебя не хочу!

Ну, тут как обычно: кто принес хорошие известия – тому плюшки и пряники, а у кого известия плохие – пусть пеняет на себя.

– Разве я виноват, что пришлось принести вам такие дурные новости? – оправдывается Солсбери.

– Новости настолько мерзкие, что и тот, кто их принес, тоже мерзок, – отвечает Констанция.

Артур пытается утешить мать.

– Матушка, не расстраивайся так, пожалуйста!

– Да как же не расстраиваться! Был бы ты каким-нибудь уродом или идиотом – мне было бы не жалко, что с тобой так обошлись, все равно ты был бы недостоин короны. Но ты же красавец, умница, хороший мальчик! Быть королем тебе предначертано судьбой, а они тебя подло обманули, лишили законных прав! Фортуна от тебя отвернулась. Она – бессовестная девка, если предпочла Иоанна. Солсбери, признай, что Филипп – подлый изменник! – требует она. – В противном случае – убирайся отсюда.

– Я не могу вернуться без вас, – говорит Солсбери.

А, понятно: его послали за Констанцией.

– Ничего, вернешься без меня. Я никуда не пойду. Если им надо – сами пусть приходят.

Садится на землю.

Входят король Иоанн, король Филипп, Людовик, Бланка, Элеонора, Бастард, эрцгерцог Австрийский и свита.

– Что ж, дорогая, у нас сегодня праздник! – торжественно объявляет Филипп.

– Пусть этот день будет проклят как самый несчастный день, – отвечает Констанция, поднимаясь с земли.

– Ну зачем вы так, принцесса? Это прекрасный день, вот увидите! Я же давал вам слово короля.

– Ваше слово – фальшивая монета! Вы – отступник, вы мне обещали пролить кровь моих врагов, а сами заключили с ними союз. Вы лжец! Знаете, о чем я мечтаю? О том, чтобы еще до конца дня вы с вашим новым дружкой Иоанном рассорились насмерть!

Эрцгерцог пытается ее утихомирить.

– Спокойнее, принцесса.

Но Констанция уже разошлась вовсю и обрушивает свой гнев на эрцгерцога:

– Для меня спокойствие – смерть! Ты, Лимож, раб, негодяй и трус! В бою ты полное ничтожество, зато в подлости тебе нет равных! Ты лжец, королевский холуй! *«Болван пу-*

стой, ничтожный дурень! Пыжился, грозил моим врагам!»
Ты же клялся, что стоишь на моей стороне и я могу тебе до-
верять, а сам переметнулся к тем, кто против меня! *«Сбрось*
шкуру льва, скорей напаяль телячью!»

– Эх, была бы ты мужчиной – я б тебя убил за такие сло-
ва! – восклицает эрцгерцог.

A. H. Hughes

Эрцгерцог, Бастард и Констанция. Художник А. Норкин; гравёр R. & E. Taylor, вторая половина XIX века.

Бастард моментально ловит мысль и дает эрцгерцогу законный повод вступить в драку.

– Сбрось шкуру льва, скорей напаяль телячью! – с вызовом повторяет он слова Констанции.

– Молчи, мерзавец, если тебе жизнь дорога! – рычит оскорбленный эрцгерцог.

Но Бастард продолжает дразнить Австрийца и снова повторяет фразу слово в слово. Однако дерзкое поведение Бастарда не по вкусу королю Иоанну.

– Прекрати. Ты забываешься, – строго произносит он.

*Входит кардинал **Пандольф**.*

Это новая фигура на сцене, давайте посмотрим, кто он таков. Пандульф (Пандольф) Верраччо был римским церковным политиком и папским легатом в Англии. Беда, однако, в том, что с королем Иоанном этот деятель впервые вступил в контакт только в 1211 году, когда приехал в Англию по поручению папы Иннокентия Третьего. А у нас, судя по всему, на дворе еще только 1202 год, поскольку именно в том году Иоанн Безземельный и его племянник Артур Бретонский воевали друг с другом за анжуйские земли. Мы с вами давно уже поняли, что Шекспир тасует факты так, как

ему нужно, не обращая внимания на хронологию и реальный возраст персонажей. Но он же не просто так это делает. Если делает – значит, автору так нужно для подчеркивания какой-то идеи. С этих позиций мы имеем полное право предполагать, что Пандольф понадобился для высвечивания конфликта, который разгорелся между Иоанном и Римской католической церковью. Конфликт действительно был (только существенно позже той анжуйской кампании), папа налагал на Англию интердикт, предавал Иоанна анафеме. В чем проблема? А в том, что Иоанну требовались деньги на ведение войн; он попросил матпомощь у церкви, но церковники навстречу не пошли и денег не дали. Иоанн попытался использовать давно опробованный механизм: назначать на освобождающиеся должности епископов и архиепископов своих людей, проверенных и надежных, чтобы они без разговоров отчисляли в казну столько, сколько нужно. Папа римский относился к королевским нуждам с пониманием и до поры до времени закрывал на это глаза. Но на кандидатуре архиепископа Кентерберийского схема засбоила: в 1205 году место освободилось, папа стал предлагать кандидатуры, а король никого не одобрял и не назначал. Терпение у папы лопнуло, и в 1207 году он своей властью назначил в Кентербери нового архиепископа. Тут Иоанн встал на дыбы: как это так, какой-то там папа вмешивается в дела его королевства?! Он сам будет назначать тех, кого сочтет нужным! И в знак протеста выгнал из Англии всех, кто выполнил требо-

вание папы. Более того, король самовольно захватил все английские представительства итальянских епископов и отказался впускать в страну папских легатов. В ответ папа наложил на Англию интердикт, а это штука уж какая серьезная: в стране запрещалось проводить любые церковные службы и осуществлять таинства. Исключения составляли крещение и отпущение грехов умирающим. Ну сами представьте: венчаться нельзя, то есть невозможно сделать брак законным, а это влечет массу проблем и с законнорожденностью детей, и с наследством. Ни причаститься, ни к мессе сходить, ни исповедоваться, ни покаяться в грехах... В общем, ничего нельзя, кроме как родиться и умереть.

Иоанн сделал ответный ход: конфисковал в пользу госбюджета все церкви и церковные земли. А что такого-то? Если церковь все равно не функционирует, то зачем ей собственность? Папа, в свою очередь, отлучил Иоанна от церкви. Потом начались долгие и муторные переговоры между королем и папой: ради отмены интердикта Иоанн готов был согласиться с назначением кандидата, предложенного Римом, но с условием, что это не станет прецедентом, и в дальнейшем Англия, как и прежде, будет сама решать, кого куда назначать; папа хотел более существенных уступок, предложенного ему было мало. В рамках этого длинного переговорного процесса как раз и был отправлен в Англию Пандольф, которого автор пьесы называет кардиналом, хотя на самом деле этот человек кардинальского сана в тот момент

не носил.

Так для чего Шекспир затеял перестановку фактов? Для чего в пьесе вообще нужны разборки с папским легатом? Если вспомнить, в какое время драматург создавал пьесу, то ответ придет сам собой: неповиновение Папе Римскому – высшая доблесть английского правителя. Любого. Разрывом с Ватиканом прославился отец королевы Елизаветы Первой, король Генрих Восьмой, и подобный героизм во благо Англии следовало прославлять всеми возможными способами. А Иоанн был как раз первым английским монархом, который осмелился на такое окаянство. Честь ему и хвала!

Так, теперь мы вроде бы поняли, для чего на сцене появляется Пандольф. Давайте посмотрим, как нам преподнесут сам конфликт и как в нем раскроется личность короля Иоанна Безземельного.

Король Филипп уважительно приветствует римского посланника. Пандольф отвечает на приветствие и сразу обращается к Иоанну:

– Скажи-ка, Иоанн, ты почему так себя ведешь? Почему не позволяешь архиепископу Кентерберийскому, которого назначил лично папа, вступить в должность?

Тут Иоанн снова ведет себя точно так же, как и ранее при разговоре с Филиппом Французским.

– А ты кто такой, чтобы допрашивать короля? Ты представитель папы? Тоже мне, нашел, на кого ссылаться! Мне твой папа – тьфу, пустой звук, он мне никто и звать никак. Так

ему и передай. И еще скажи, что никогда ни один итальянский поп больше не будет получать никаких денег от английских церквей, расположенных в моих владениях. Я в своей стране полновластный хозяин и буду делать, что захочу. Никаких пап нам не нужно. С этой минуты я отвергаю власть Рима над Англией.

(Дорогие читатели, кто из вас помнит, откуда слова: «Собирайте свои манатки и уматывайте»? Интересно, почему мы разбираем пьесу, написанную в XVI веке о событиях, имевших место в XIII веке, а ассоциации возникают все время какие-то неправильные...)

– Дорогой мой брат, твои слова – кощунство, – предостерегает его Филипп.

Но Иоанна не остановить. Подумаешь, кощунство! Это все католические попы придумали, а они королю не указ.

– Давай, иди у нахального попа на поводу, – презрительно отвечает он. – Не забудь взять в компанию всех прочих христианских монархов. Вы все готовы платить папству, покупаете себе отпущение грехов и всякие привилегии, торгуетесь, как на базаре. Я один восстаю против папы! Кто будет с ним дружить – тот станет моим врагом.

Я восстаю один – да будет так! —

И каждый друг его – мой смертный враг.

– В таком случае я отлучаю тебя от церкви, – внушитель-

но произносит кардинал. – Отныне каждый твой подданный, кто нарушит тебе верность, будет благословлен, а тот, кто тебя убьет, будет прославлен, как святой.

Звучит устрашающе, но на самом деле так и было: убийство человека, отлученного от церкви, приравнивалось к богоугодному подвигу.

Констанция открыто радуется:

– Как хорошо! Теперь у меня полное право поквитаться с Иоанном!

– *«Проклятье церкви свято и законно»*, – кивает Пандольф.

В том смысле, что, мол, да, имеешь право, тебе еще и спасибо скажут.

– Если закон не может защитить правду, то он не должен мешать и законной мести, – продолжает.

Констанция Бретонская. Художник John William Wright,

гравёр W. H. Eggleton, 1837.

Констанция. – Если закон не работает, то не работает в обе стороны. Защитить никого не может, но и заткнуть рот или запретить тоже не сможет.

В правовом смысле слова совершенно замечательные! Или закон есть, и тогда он есть для всех людей и любых поступков, или закона нет ни для кого и ни для чего. Как говорится, нельзя быть «немножко беременной».

Тогда Пандольф обращается к Филиппу Французскому:
– Король Филипп, ты должен порвать с еретиком Иоанном, иначе тебя тоже проклянут. Если король Англии не подчинится Риму, ты должен будешь объявить ему войну.

Филиппу такой поворот совсем не нравится. Он молчит и мучительно думает, как выскочить из ловушки. Ведь еще недавно все так хорошо складывалось: дофин получает испанскую принцессу, за ней дают большие французские земли, предательство по отношению к Констанции и Артуру обошлось вообще даром... А теперь что, все прахом пойдет?

Элеонора замечает, что король Франции в смятении.

– Ты что-то побледнел, дружок. Собираешься разорвать союз с нами? Не советую.

Но Констанция, само собой, считает совсем иначе.

– Пусть Филипп раскается в своем предательстве и порвет с Иоанном, снимет грех с души.

– Филипп, я бы на твоём месте прислушался к тому, что

говорит папский легат, – рекомендует предусмотрительный эрцгерцог.

Ну а Бастард в своем репертуаре: снова принимается дразнить Лиможа-Леопольда-Не-пойми-кого:

– Сбрось шкуру льва, скорей напяль телячью, – с издевкой произносит он.

Эрцгерцог понимает, что сейчас не место и не время сводить счеты:

– Я промолчу и проглочу обиду, негодяй, ведь я...

Он не успевает договорить, потому что Бастард перебивает:

– Конечно, проглотишь, у тебя глотка широкая, это всем известно.

Иоанн тоже с нетерпением ждет, что Филипп ответит кардиналу Пандольфу.

– Так что ты ответишь кардиналу? – спрашивает он.

– А что он может сказать? Только согласиться! – фыркает Констанция.

Бланка Кастильская. Художник Eusebi Planas i Franquesa, 1869.

Тут и дофин Людовик подает голос:

– Отец, подумай, что лучше: получить проклятие от Рима или потерять дружбу Иоанна, которая вообще-то немного стоит? Какой вариант менее опасен для Франции?

– Само собой, папский гнев, – подсказывает Бланка.

Странная позиция. Девушка, рожденная и воспитанная в католической Испании, вдруг говорит, что папский гнев менее страшен, нежели разрыв союза с Англией? Объяснение тут может быть, как мне кажется, только одно: Бланке очень хочется замуж за Людовика, но она понимает, что если сейчас папаша жениха рассорится с Иоанном и Элеонорой, то есть с ее дядей и бабушкой, то свадьбы ей не видать как своих ушей. Фиг с ней, с анафемой, лишь бы Филипп и Иоанн продолжали дружить.

Констанция негодует:

– Осторожнее, дофин, твоя невеста тебя с толку сбивает. Не слушай ее!

– «Не голос правды говорит в принцессе – нужда ее», – честно признается Бланка.

Переводим на понятный прозаический язык: «На самом деле я, конечно, уверена, что ничего ужаснее отлучения от церкви быть не может. Но в данных обстоятельствах я вынуждена занимать другую сторону и голосовать за единство».

Филиппа и Иоанна, потому что от этого зависит моя личная жизнь».

Тут Констанция разражается гневной тирадой на тему противопоставления «правды» и «нужды», иными словами – общественного и личного.

– Если для тебя нужда (то есть личное) важнее правды (общественного) и ты готова пожертвовать правдой во имя нужды, то ты должна понимать, что правда воскреснет, если кончится нужда. Откажешься от личных интересов – воцарится прекрасная и высокая правда, а будешь заикливаться на личном – и никакой правды и справедливости не получишь.

В общем, «прежде думай о родине, а потом о себе». Мы это проходили.

– Что-то Филипп долго молчит, ничего не отвечает, – замечает Иоанн.

– Давай же, Филипп, отвечай, как должен, – торопит короля Констанция.

– Король, перестань сомневаться и ответь, – вторит ей эрцгерцог.

– А ты набрось телячью шкуру, трус, – ехидничает Ба-стард.

Ну да, что-то он долго молчал, мы уже соскучились...

Наконец, Филипп открывает рот.

– Даже и не знаю, что сказать. Не могу решить.

– Ну уж скажи что-нибудь, только помни обо всех мораль-

ных тяготах отлучения от церкви, – говорит Пандольф.

– А вы бы как поступили на моем месте, святой отец? – спрашивает Филипп. – Мы с Иоанном только что договорились и пожали друг другу руки. Это означает мир для наших королевств, сохранение тысяч жизней, спокойствие и стабильность в наших странах. Теперь мы должны все это разрушить и снова начать воевать, проливать кровь. Вы же священник, божий человек, как вы можете толкать нас на такое? Придумайте что-нибудь, найдите выход, и мы будем вам благодарны по гроб жизни.

Но Пандольф непреклонен. Никаких компромиссов!

– То, что хорошо для Англии, плохо для всех остальных. К оружию, Филипп, иначе на своей шкуре прочувствуешь, что такое проклятие матери-церкви! Уж лучше бы ты держал змею за жало, чем пожимал руку Иоанну.

Ох, какие воинственные, оказывается, были служители церкви! А мы-то думали, что они за мир и дружбу...

– Руку могу отнять, а верность – не могу, – отвечает Филипп.

Пандольф произносит длинную речь-наставление, суть которой сводится к тому, что если пообещал сделать что-то плохое или неправильное, а потом обещание не выполнил, то это даже хорошо. Поклялся быть верным злому человеку и нарушил клятву – молодец. *«Ложь исцелится ложью – так огнем огонь врачи смягчают при ожогах»*. Ну, типа «подобное лечится подобным».

– Примешь правильное решение, изменишь клятве, которую дал Иоанну, – мы тебя поддержим молитвами, а если нет – мы тебя проклянем, – резюмирует кардинал.

Эрцгерцог готов последовать совету кардинала и призывает к мятежу.

– Ты снова за свое? – вспыхивает Бастард. – Заткнуть бы рот тебе телячьей шкурой!

– Отец, к оружию! – кричит дофин Людовик.

Бланка в отчаянии: бракосочетание накрывается!

– Ты собрался воевать в день нашей свадьбы? Да еще против родственников твоей жены? Ну, давай, действуй, пусть за свадебным столом сидят одни покойники, а музыканты будут играть похоронный марш. Я тебя умоляю: услышь меня, не воюй с моим дядей!

Констанция пытается перехватить инициативу и повлиять на молодого дофина:

– Не иди против церкви!

Но Бланка не уступает:

– Вот теперь я и увижу, любишь ты меня или нет. Что для тебя важнее?

– Для него важнее честь, – уверенно парирует Констанция.

А Филипп так и стоит молча, ничего не говорит.

– Пап, ты такой спокойный, а ведь надо решение принимать, – обращается к отцу дофин.

Тут и Пандольф снова вставляет свои три копейки:

– Я на тебя наложу проклятие, – предупреждает он Филиппа.

И король Франции, наконец, решается.

– Мы – враги, Иоанн, – произносит он.

Интересно, как? Решительно и твердо? Или выдавливает из себя слова через силу? Смущенно и виновато или с полным осознанием собственной правоты? Вот уж раздолье актеру, который будет играть эту роль!

– Ну наконец-то! – радуется Констанция. – Ты снова стал нормальным мужиком.

– Эх, французы, – удрученно вздыхает Элеонора. – Все ваши клятвы – сплошной обман.

Иоанн рассержен и открыто угрожает Филиппу:

– И часа не пройдет – ты горько пожалеешь о своем решении.

– Ничего, пройдет время – и ты сам раскаешься, – вторит ему Бастард.

Бланка горько сетует: день начинался так прекрасно – и заканчивается крахом всех надежд.

– А мне-то что делать? Чью сторону принять? Если буду молиться о победе мужа, значит, буду тем самым молиться о смерти дяди. Встану на сторону дяди и бабушки – пойду против мужа. Чем бы ни кончилась эта война, я буду в числе проигравших.

– Твое, подруга, счастье только рядом со мной, – заявляет Людовик.

– Нет мне в жизни никакого счастья, – печально констатирует девушка.

Иоанн отправляет Бастарда стягивать войска и гневно объявляет Филиппу, что готов начать бой. Филипп не остается в долгу и отвечает угрозами.

Уходят.

Сцена 2

Равнина близ Анжера

Шум битвы, стычки. Входит Бастард с головой эрцгерцога Австрийского.

– А ничего денек получился, горячий, – довольным голосом произносит Бастард. – Так, пусть голова тут полежит, а я отдохну немножко.

Входят король Иоанн, Артур и Хьюберт.

– Хьюберт, присмотри за мальчишкой, – распоряжается Иоанн. – А ты, Филипп, беги к моей матери на помощь, ее палатку окружили враги, надо спасти королеву.

Бастард с головой эрцгерцога. Художник John Gilbert, гравер Dalziel Brothers, 1865.

Если вы уже забыли, что происходило в первом акте, то напоминаю: Филипп – это имя Бастарда, он у нас Филипп Фоконбридж. Правда, Иоанн в том же эпизоде объявил, что отныне новоявленный племянник станет носить имя своего отца: Ричард. Но, кажется, за всеми военными хлопотами успел об этом забыть.

– Не волнуйтесь, ваше величество, королева в порядке, я ее уже выручил. Но расслаживаться действительно некогда, еще одно небольшое усилие – и победа наша.

Уходят.

Коктейль получился, однако... Вместо замка Мирабо – палатка на поле боя. На самом деле Артур действительно попер буром на родную бабулю, и действительно в 1202 году, но только то была осада замка, а не сражение, хотя событие и вправду имело место в ходе анжуйской кампании. Иоанна в тот момент поблизости не было, Алиенора приготвилась давать отпор захватчикам, но гонца к сыну отправить смогла, и Иоанн успел: примчался на подмогу, застал расслабившегося Артура врасплох, врагов перебил, племянника взял под стражу. К слову замечу, Бланка Кастильская и дофин Людовик к тому времени уже два года как были женаты. Но для Шекспира это дело обычное: что там какие-то жалкие пара лет, у него в пьесах анахронизмы куда покруче имеются. И покойнички на сцену выходят, и еще не рожденные младен-

цы, и трехлетние мальчишки в сражениях участвуют и режут головы врагам, и факты скачут взад-вперед на десять лет...

Следующий вопрос: а кто такой Хьюберт? В перечне действующих лиц указан Хьюберт де Бург, один из баронов при Иоанне Безземельном. Не особо знатный, но зато приближенный и доверенный. Именно он был назначен тюремщиком юного принца Артура, это исторический факт.

Сцена 3

Там же

Шум битвы, стычки, отбой. Входят король Иоанн, Элеонора. Артур, Бастард, Хьюберт и свита.

Король велит матери остаться под охраной сильного отряда.

– А ты, племянничек, не грусти, гляди веселей! Бабушка тебя любит, а я, твой дядюшка, готов заменить тебе отца.

– Мама теперь будет переживать, – сокрушается взятый в плен Артур.

Но королю не до сантиментов, у него война. Не обращая внимания на причитания Артура, он обращается к Бастарду:

– Поезжай немедленно в Англию, возьми за горло наших аббатов, пусть тряхнут мошной и дадут денег на войну. И

вели выпустить преступников из тюрем, нам пушечное мясо нужно. Даю тебе все полномочия, действуй от моего имени.

Набирать наемников из числа заключенных было в те времена самой обычной и весьма распространенной практикой.

– Ну, если я иду за деньгами – мне никто поперек дороги не встанет. Прощайте, государь. Бабуля, целую ручки. Если на меня вдруг накатит приступ благочестия, я за вас помолюсь, – ухмыляется Бастард.

Элеонора и Иоанн прощаются с ним.

Бастард уходит.

Элеонора ласково зовет Артура, называет его внучком и отводит в сторону. А Иоанн меж тем заводит разговор с Хьюбертом.

– Друг мой Хьюберт, – вкрадчиво начинает король, – ты так много сделал для меня, я твой должник и готов расплатиться за твою любовь и доброе отношение. Я тебе от всей души благодарен. Знаешь, хотел сказать тебе одну вещь, но не могу подобрать слов... Вот честно, мне даже неловко говорить, как я к тебе привязан.

Загадочное начало. Если бы мы не знали, что король Иоанн был необыкновенно охоч до чужих жен, невест и дочерей, то после такого вступления могли бы бог весть что заподозрить...

Хьюберт тоже не очень понимает, к чему такое вступле-

ние, и отвечает:

– Я вам очень обязан, ваше величество.

Как именно отвечает? С какой интонацией? Настороженно? Или искренне, от души, не чуя подвоха?

– Погоди, рано еще благодарить, пока повода нет, но скоро будет. Наберись терпения, я с тобой щедро расплачусь. Да, так я хотел тебе сказать... Нет, потом скажу. Сейчас как-то неуместно, уж больно денек хороший, погода замечательная! Если бы мы с тобой сейчас находились в более мрачном месте, в другой обстановке, я бы тебе рассказал... Но не буду! И все-таки я тебя люблю и надеюсь, что ты тоже меня любишь.

Экая, право, длинная записка! Хитрый у нас Иоанн, слова в простоте не скажет, все намеками, намеками...

– Государь, я вас так люблю, что выполню все, что скажете, даже если это грозит мне смертью, – отважно, но неосмотрительно обещает Хьюберт.

– Знаю, дружок, знаю. Посмотри на мальчишку, Хьюберт: он – препятствие на моем пути. Куда ни сунусь – всюду он. Ты меня понял?

– Да я с него глаз не спущу! Он шагу сделать не сможет и никогда больше ни в чем вам не помешает, – клянется де Бург.

Иоанну надоело ходить вокруг да около, он видит, что простодушный доблестный рыцарь Хьюберт намеков не понимает. Придется говорить прямым текстом.

– Смерть, – коротко бросает король.

– Государь! – восклицает Хьюберт.

И снова вопрос: что вложено в это единственное слово? «Как вы можете? Как вам не стыдно?» или «Так точно, товарищ генерал, будет выполнено!»? А может быть, «Правильно ли я вас понял?» Это ведь в русском переводе реплика Хьюберта идет с восклицательным знаком («Государь!»), а в оригинале-то совсем не так. Услышав от Иоанна: «*Death*», то есть «Смерть», де Бург переспрашивает: «*My lord?*». Похоже, он действительно не догоняет, чего от него хочет король.

На всякий случай Иоанн добавляет:

– Могила.

– Он умрет, – твердо обещает Хьюберт.

– Ну и хватит об этом, – с облегчением говорит король. –
Прям камень с плеч. Люблю тебя, дружок. Сейчас о вознаграждении говорить не станем, но помни...

Он делает многозначительную паузу, после чего обращается уже к матери:

Король Иоанн и Хьюберт. Художник Henry Courtney Selous, гравёр George Pearson, 1860-е.

– Прощайте, матушка! Ждите, скоро подойдет подкрепление, ничего не бойтесь.

Элеонора благословляет сына.

– А ты, племянник, – говорит король Артуру, – поедешь с нами в Англию, Хьюберт будет тебя сопровождать. Ну, поехали в Кале!

Уходят.

Для тех, кто подзабыл географию, напомним: Кале – порт, из которого ближе всего плыть через пролив в Англию.

Сцена 4

Там же. Палатка французского короля

Входят король Филипп, Людовик, Пандольф и свита.

Филипп ужасно расстроен тем, что англичане одержали победу, Пандольф уговаривает его мужаться и не впадать в отчаяние: все еще может наладиться.

– Что может наладиться?! – зло кричит Филипп. – Хуже

уже быть не может! Мы разбиты, Анжер взят, Артур в плену, многие верные рыцари погибли, а кровавый Иоанн спокойно ушел к себе домой.

Дальше Шекспир прибегает к тому же приему, который он использовал, например, в «Генрихе Шестом»: устами враждебных французов воспевают отвагу и воинскую доблесть англичан. В данном случае этими «устаами» выступает дофин Людовик.

– Иоанн сумел не только добиться успехов, но и закрепить их. Никогда не видел и даже не читал о таком расчетливом стремительном напоре и таком строгом порядке.

Филиппу, натурально, неприятно, что сынок так восхваляет ненавистного противника.

– Я бы согласился с твоей похвалой, если бы мы сами не опозорились, – угрюмо говорит он.

Входит Констанция.

Следующие три страницы книжного текста я даже не буду пытаться пересказывать, ибо это скучно и монотонно. Констанция рвет на себе волосы и с многочисленными вариациями рассказывает, как она страдает из-за утраты Артура. Филипп и Пандольф пытаются сказать ей хоть что-то утешительное в те редкие мгновения, когда удастся прорваться сквозь бесконечный поток жалоб, причитаний и проклятий. Но у них возникают вполне обоснованные опасения, что

Констанция тронулась умом. Когда герцогиня Бретонская, выплеснув всю боль и негодование, уходит, Филипп отправляется следом:

– Пойду присмотрю за ней; как бы беды не вышло.

Уходит.

Ну, в общем, все бы ничего, да только Констанция, как я уже говорила, скончалась в 1201 году, а Артура взяли в плен в 1202 году. Так что вряд ли она имела возможность так уж убиваться по сыночку. Но Шекспир есть Шекспир.

Людовик, оставшись наедине с кардиналом Пандольфом, сетует на то, как плохо все обернулось.

– *Исчезла сладость – есть лишь стыд и горечь.*

– В каждой болезни есть кризис, и в момент кризиса всегда очень тяжело, но зато потом наступает облегчение, – замечает умудренный жизнью папский легат. – Вы проиграли всего лишь день, не более того.

– Я проиграл всю славу, счастье, радость будущего.

– Ошибаетесь. Вот если бы вы победили, тогда действительно проиграли бы. Чем больше кому-то везет, тем выше вероятность, что скоро он потерпит полный крах. Вот увидишь, победа Иоанна обернется потерями для него. Вы, наверное, огорчены, что принц Артур попал в плен?

– Само собой, очень огорчен.

– Вот и видно, что ты совсем молодой! Теперь слушай ме-

ня, юнец. Артур в плену у своего дядьки. И пока мальчик жив, Иоанн ни минуты, ни секунды не будет знать покоя. Когда незаконно захватываешь власть, удержать ее можно только насилием, а для того, кто встал на путь преступления, обратной дороги нет, для него все средства хороши. Чтобы Иоанн мог сохранить власть, Артуру придется умереть. Вот пусть и умрет, других вариантов все равно нет.

– Ну и что мне за польза, если он умрет? – не понимает чистый помыслами дофин.

– А вот тогда ты от имени Бланки, своей законной жены, предъявишь права на то, что должно было принадлежать Артуру. То есть на английский трон.

– Ага, чтобы со мной поступили так же, как с Артуром?

– Господи, ты совсем еще несмышлениш! – досадливо восклицает кардинал. – А народ как отреагирует, если узнает, что Иоанн убил родного племянника? Да вся народная любовь к королю тут же испарится! И при первой же возможности англичане поднимут мятеж против Иоанна. А тут нарисуешься ты, молодой и красивый.

– А вдруг он не станет убивать Артура? Может, Иоанн решит, что заключения в тюрьму вполне достаточно, – сомневается дофин.

– Да пусть хоть так, пусть Артур будет жив, но как только Иоанн узнает о том, что ты со своими войсками уже близко, он сам помрет со страху. А люди с радостью примут любые перемены и легко найдут повод для мятежа, благо Иоанн

своим неразумным правлением дает этих поводов более чем достаточно. Ему постоянно нужны деньги на войну, он то налоги непомерно поднимает, то беззастенчиво грабит церкви, а люди-то все видят. Вот сейчас в Англии Бастард Фоконбридж лютует, отбирает у церквей все сокровища и доходы. Думаешь, людям это нравится? Да будь в Англии в эту минуту хотя бы дюжина французских солдат, они бы в пять секунд подняли на мятеж десятки тысяч англичан, можешь мне поверить. Так что, Людовик, давай, не тяни, пойдем к королю. Ты даже представить не можешь, сколько пользы мы сможем извлечь из обиженных недовольных жителей Англии. Я уверен, что король согласится со мной и даст добро.

– Уж вам-то король точно не откажет, – соглашается Людовик.

*К большим делам ведет благой совет,
На ваше «да» король не скажет «нет».*

Уходят.

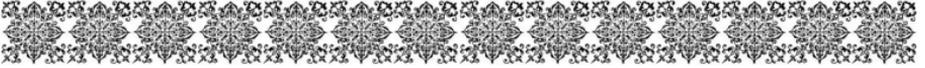
Закончился третий акт, и что добавилось к образу Иоанна? Твердость и мужество, с которыми он противостоит Римской католической церкви. Талант полководца (которого на самом деле не было, но Шекспиру же нужно было пропеть осанну английским войскам, так что часть похвал неминуемо досталась и тому, кто стоял во главе армии). Хитрость и

коварство, которые частично уже проявились во втором акте, а в третьем выпрямились во весь рост. Жестокость.

Это с одной стороны. А с другой – непродуманность решений и довольно-таки хамская манера общения на политико-дипломатическом поле. Как он разговаривает с папским посланником? Уму непостижимо! Конечно, мы понимаем, что все оскорбительные пассажи в адрес папы римского придуманы на потребу публике, но образ короля они никак не украшают. Более того: Иоанн только что заключил союз с королем Франции. Он что, не понимает, к каким последствиям приведет открытое противостояние Риму? Он не видит того, что произойдет через минуту? Филипп-то вон как долго и мучительно соображал, как выкрутиться, потому что ситуация действительно очень сложная. А Иоанну лишь бы свой нрав показать. В этом Шекспир следует тому, что хронисты писали о короле: личное для него всегда было важнее политических соображений.

Ну что ж, неплохой набор характеристик. Посмотрим, что нам покажут дальше.

Акт четвертый

Сцена 1

Комната в замке

Входят Хьюберт и два палача.

Хьюберт отдает распоряжения палачам:

– Раскалите железный прут докрасна, спрячьтесь за коврами и стойте там. Когда я топну ногой – сразу прыгайте сюда, хватайте мальчишку, который будет со мной, и привяжите его к стулу. Давайте, валите за ковер, сидите тихо и ждите.

– Надеюсь, у вас есть приказ свыше, – предусмотрительно осведомляется Первый палач.

– Ну а сам как думаешь? Не бойся, все будет тип-топ.

Палачи уходят.

Хьюберт зовет Артура, который находится, по-видимому, где-то за дверью.

– Иди сюда, парень, поговорить надо.

Входит Артур.

– Добрый день, Хьюберт.

– Приветствую, маленький принц.

– Да уж, – вздыхает Артур, – это точно, что я маленький.

А ведь мог бы стать большим... Ты чего такой грустный?

– Ты прав, бывал я и повеселее.

– Ну надо же, а я-то думал, что только у меня есть основания грустить и печалиться. Помнится, во Франции у молодых дворян как-то появилась мода ходить угрюмыми, как ночь. Вот не понимаю я этого! Если бы я был на воле, а не в плену, так ходил бы веселым целыми днями, даже если бы стал простым пастухом. Да я, собственно, и здесь особо не грустил бы, если бы не ждал от моего дяди какой-нибудь гадости. Я его боюсь, а он боится меня. Вот ведь засада! Ну разве я виноват, что родился в такой семье и от таких родителей? При чем тут вообще я? Вот был бы моим отцом, к примеру, ты, Хьюберт, – ты бы меня любил.

«Черт, эта ребячья болтовня меня вконец разжалобит, – думает Хьюберт. – Надо кончать». То есть на самом-то деле он говорит «в сторону», но для сцены это и означает «думает».

– Ты как себя чувствуешь, Хьюберт? – заботливо спрашивает Артур. – Что-то ты бледный. А знаешь, я бы даже хо-

тел, чтобы ты немножко прихворнул, так, ничего серьезного, тогда я смог бы сидеть с тобой всю ночь. Наверное, я тебя люблю крепче, чем ты меня.

Что-то многовато у Шекспира разговоров о любви помимо женщин. То Иоанн с Хьюбертом, то вот теперь Артур тоже Хьюберта любить хочет. Нет, боже упаси, я ничего не имею в виду, именно поэтому и удивляюсь, что драматург вынуждает всех этих мужиков, рыцарей, воинов выяснять, кто кого сильнее любит.

«Его слова мне в сердце проникают», – думает Хьюберт и протягивает Артуру бумагу.

– Прочти, Артур.

И про себя (то есть в сторону): «Душа так болит, что выходит наружу дурацкими слезами. Надо скорее заканчивать, не то разревусь по-бабьи и утрачу всю решимость».

А вслух спрашивает:

– Что, не можешь разобрать? Плохо написано?

– Да нет, написано даже слишком хорошо для такого злого дела. Значит, ты должен железом выжечь мне глаза, я правильно понял?

Интересное дело! Король всего лишь «устно и наедине дал понять», а тут уже и документ имеется? Откуда же он взялся? Король хотел, чтобы Артур умер. А в бумаге написано, что палач должен выжечь принцу глаза. Почему? Зачем? И неужели Иоанн такой глупец, что собственноручно подписал подобный приказ? А если подпись не его, значит, в тем-

ное противозаконное дело вовлечен еще кто-то высокопоставленный, кроме собственно короля и Хьюберта? Сплошные недоуменные вопросы.

– Да, мальчик, должен.

– Неужели решишься?

– Решусь.

– И у тебя хватит духу? А помнишь, как ты страдал от головной боли и я тебе повязал лоб платком? Между прочим, это был мой самый лучший платок, мне его сама принцесса, моя мама, вышила. А я дал тогда тебе и назад не забрал. Всю ночь сидел с тобой, держал руками твою голову, спрашивал, чего ты хочешь и чем тебе помочь. Иной простолюдин спал бы себе без задних ног и ни одного ласкового слова тебе не сказал, а принц сидел и оберегал тебя, жалел. Ты, конечно, можешь думать, что моя любовь – ложь и притворство. Ну что ж, думай, как хочешь, и поступай, как хочешь. Ты собираешься лишить меня зрения, отнять у меня глаза, которые на тебя всегда смотрели только с любовью?

– Я поклялся, что выжгу твои глаза раскаленным железом.

А вот мне интересно, откуда у Артура родилась такая любовь к Хьюберту и почему принц уверен, что Хьюберт тоже к нему привязан? Между ними действительно сложились теплые отношения, настоящая мужская дружба? Артур, напоминаю, родился в 1187 году, ему сейчас только 15 лет, Хьюберту де Бургу должно быть существенно больше: год его рождения в источниках разнится или указывается прибли-

зительно (ок. 1170 года, а кое-где и ок. 1160 года), но точно известно, что в 1197 году он уже занимал должность чиновника при дворе принца Иоанна, будущего короля. Более того, его младший (!) брат, архидиакон Норвича, родился в 1180 году, стало быть, Хьюберт родился еще раньше. Артур – пленник королевской крови, Хьюберт – тюремщик. Не сказать, чтобы для возникновения настоящей дружбы и любви почва такая уж благодатная.

Принц Артур и палачи. Художник James Northcote, 1798.

– Да уж, такое возможно только в наш железный век, – грустно произносит Артур. – Даже раскаленный прут остынет от моих невинных слез и не сможет лишить меня глаз. Если бы сюда прилетел ангел и заявил, что ты, Хьюберт, собираешься меня ослепить, я бы и ему не поверил. А тебе поверю, если ты подтвердишь.

Хьюберт топает ногой и зовет палачей, которые прячутся за коврами:

– Сюда!

Входят палачи с веревками, железными прутьями и т. д.

– Исполняйте мой приказ!

– Хьюберт, спаси меня! – умоляет Артур. – От одного их зверского вида можно ослепнуть!

– Давайте сюда прут, а мальчишку свяжите, – командует тюремщик.

– Не надо меня связывать, ну пожалуйста, – просит принц. – Я не стану ни вырываться, ни сопротивляться. Хьюберт, прошу тебя, пусть они уйдут! Ну честное слово, я буду вести себя тихо и смирно. Прогони их – и я тебе прошу все мучения, которые ты мне причиняешь.

– Ладно, оставьте нас, ждите за дверью, – говорит Хьюберт палачам.

Первый палач с удовольствием исполняет приказ:

– Я рад уйти: от такого злодейства нужно держаться по-дальше.

Палачи уходят.

– Эх, дурак я, прогнал человека, который мне сочувствует, – сокрушается Артур. – Я думал, он жестокий, а у него, оказывается, доброе сердце. Пусть он вернется, может, его жалость как-то подействует на тебя, Хьюберт...

Но Хьюберт еще держится.

– Приготовься, мальчик.

– Что, без вариантов? Никак не спастись?

– Никак. Ты лишишься глаз.

– Хьюберт, ну имей совесть, а? Даже когда в глаз попадает соринка или мелкая мошка – вспомни, как это мешает и не дает покоя, пока не вытащишь. А тут такое: глаза выжигать! Неужели сам не понимаешь, насколько это чудовищно?

– Придержи язык, ты ведь обещал молчать и сидеть тихо.

– Да уж лучше вырви мне язык, а глаза пощади, чтобы я мог видеть мир, мог хотя бы смотреть на тебя, если уж не говорить с тобой. Да и вообще, железо уже остыло, таким глаза не выжечь. Может, бросишь эту затею?

– Ничего, раскалю снова, – отвечает Хьюберт.

– Не, не получится, огонь так расстроился, что его хотят использовать для пытки невинного человека, что сам собой погас. Вон, видишь, угли уже не пылают. *«Дыханье неба*

охладило жар и теплом покаянья их покрывало».

– А я дуну на них – и они снова разгорятся, – не сдается тюремщик.

– Ага, разгорятся и снова покраснеют, только уже не от жара, а от стыда за то, что ты творишь. Может, даже ты сам устыдишься. Ну посмотри: огонь и железо отказываются служить злему делу, даже они способны сжалиться и проявить милосердие. А ты – не способен, ты жесток.

И тюремщик ломается.

– Нет, не могу и не буду! – восклицает он. – Не стану лишать тебя зрения ни за какие богатства, которые мне посулил твой дядя. Я поклялся Иоанну, что сделаю это, но клятву нарушу.

Артур не скрывает радости.

– Вот теперь я снова вижу того Хьюберта, которого знаю и люблю!

– Хватит разговоров, – сурово произносит Хьюберт де Бург. – Прощай. Я сделаю так, что шпионы Иоанна донесут ему, будто бы ты погиб. Больше тебе нечего бояться, живи спокойно, я ни за какие деньги не причиню тебе вреда.

– Спасибо, Хьюберт! – с чувством благодарит его Артур.

– Тише! Помолчи. Иди за мной как можно тише, чтобы нас никто не услышал. Теперь я из-за тебя в большой опасности.

Уходят.

Да, слухи о том, что король Иоанн повелел ослепить принца Артура Бретонского, действительно весьма активно циркулировали, но документального подтверждения не нашли. Однако ж доказательств обратного тоже нет. И вообще история была крайне темная, никто ничего толком не знает о том, как протекала жизнь Артура после пленения. Мог ли Иоанн в принципе отдать приказ выжечь глаза родному племяннику? Мог. Он славился своей жестокостью. Известно, например, что во время военных действий в Уэльсе он взял в заложники и повесил 28 мальчиков – сыновей валлийских вождей. И это, как пишет Акройд, было не первое и не последнее зверство с его стороны⁷. Что же касается судьбы принца Артура, то сперва его держали в замке Фалез под надзором Хьюберта де Бурга, затем в 1203 году по приказу Иоанна перевезли в другой замок, в Руане, и там за ним надзирал уже другой человек, Уильям де Браоз. С тех пор Артура никто не видел. Но у Уильяма де Браоза была жена Матильда, которая, по всей видимости, знала правду о причастности Иоанна к смерти племянника, потому что спустя несколько лет утратила бдительность и публично намекнула на неблагоприятные действия короля. В общем, дама слишком много болтала, за что и поплатилась: сначала Иоанн захватил все замки, принадлежавшие де Браозу, потом нашел Матильду и ее сына, которые поняли, что дело пахнет керосином, и

⁷ Акройд П. История Англии. Основание. М., 2021. С. 231.

попытались скрыться в Ирландии. Матильда де Браоз и ее сын были арестованы, брошены в тюрьму, где и умерли от голода. В чем же состояла «страшная правда», которую почти разгласила Матильда? В том, что Иоанн самолично убил племянника, а тело бросил в Сену. Однако же прямых доказательств как не было, так и нет. Ни трупа, ни свидетелей.

Сцена 2

Дворец короля Иоанна

Входят король Иоанн в короне, Пембрук, Солсбери и другие лорды. Король садится на трон.

А с чего это Иоанн вдруг корону нацепил? А с того, что затеял повторную коронацию. Дело в том, что коронация подразумевает принесение баронами вассальной клятвы (или вассальной присяги), дескать, буду служить тебе, король, верой и правдой и выполнять все твои указания. Поскольку принц Артур действительно имел более веские основания претендовать на трон, после первой коронации многие бароны как-то заколебались в своей любви и преданности монарху. Надо бы королю усилить свои позиции, пусть еще раз присягнут. Артур-то уже не помеха, приказ умертвить принца отдан, стало быть, и исполнение не за горами. Вас-

салы сейчас принесут клятву, а спустя короткое время им объявят, что принц-претендент скоропостижно скончался, и никаких поводов для недовольства больше не будет. Что ж, план неплох. Только остается неясной одна деталь: вроде король в разговоре велел Хьюберту де Бургу убить принца, а потом речь идет о письменном приказе выжечь глаза. Про «убить» ни слова не говорится. Если же считать, что насчет «убить» договоренность остается устной и тайной, то для чего вообще нужен приказ ослепить? Претендент все равно остается жив и продолжает быть угрозой. В общем, не очень понятно.

Король Иоанн в исполнении актера Роберта Мантелла.

Фотография начала XX века.

Итак, Иоанн входит в тронный зал и обращается к баронам:

– Я снова прохожу церемонию коронации. Надеюсь, вы все рады меня видеть.

Ну, может большинство и рады, но есть и сомневающиеся. Например, уже знакомые нам Пембрук и Солсбери. Впрочем, если с Уильямом Длинным Мечом (Солсбери) мы худо-бедно познакомились, когда он приходил к Констанции и рассказывал о том, что Иоанн и Филипп ее кинули, то с Уильямом Маршалом, графом Пембруком, мы практически не сталкивались. Он стоял на сцене в самом начале первого акта (молча), пока Иоанн разговаривал с французским послом Шатильоном, а потом Иоанн велел Пембруку проводить высокого гостя. Так что до настоящего момента Уильяму Маршалу, «самому блистательному рыцарю эпохи», не досталось пока что ни одной реплики.

Так вот, Пембрук и Солсбери открыто выражают королю свое недоумение и недовольство процедурой повторной коронации.

– Для проведения церемонии не было никаких оснований, кроме вашего собственного желания, – говорит Пембрук. – В стране спокойно, мятежей нет, никто не подвергает сомнению ваше королевское достоинство.

– Это все пустое излишество, – подхватывает Солсбери. –

Только пыль в глаза пускать. Деньги на ветер.

– Мы, конечно, вашей воле не перечим, ваше величество, но все это напоминает старый анекдот, который уже сто раз рассказывали и который невыносимо скучно слушать, – продолжает Пембрук.

У Солсбери находится еще один весомый аргумент:

– Когда все идет привычным, давно установленным порядком, то народ спокоен. Но если вдруг ни с того ни с сего этот порядок изменить, возникает масса ненужных вопросов: «А что это вдруг? А что случилось? А с чего бы это? Может, грядут существенные перемены, а мы чего-то не знаем?»

Что ж, политология и социальная психология – науки древние, и не надо думать, что если их начали преподавать в вузах только в прошлом веке, то соответствующие отрасли знания лишь в прошлом веке и родились. В Средние века люди не глупее нас были. И ситуации с «повторной коронацией» – придумка не сегодняшнего дня.

Пембрук, в свою очередь, коротко и емко высказывается на тему «лучшее – враг хорошего»:

– Когда умелый ремесленник пытается создать шедевр, у него все равно ничего не получается, потому что превзойти самого себя невозможно, выше головы не прыгнешь, а тот талант, который есть, губится этой тщетной попыткой. Небольшую прореху не всякий увидит, а если наложить на нее заплату – она сразу всем бросится в глаза и привлечет внима-

ние.

– Вот почему мы считали ненужным проводить повторную коронацию, – заканчивает объяснение граф Солсбери. – Но вы не последовали нашему совету, ваше величество. Что ж, так тому и быть, ваше слово – закон, наше дело – подчиняться.

Иоанн не снисходит до аргументированного ответа.

– Я уже ранее говорил вам, почему мне нужна эта коронация. Но есть и другие причины, намного более веские, я о них потом скажу. Скажите-ка, какие улучшения в жизни страны видятся вам первоочередными и необходимыми? Я готов вас выслушать и исполнить все, что вы посоветуете.

Слово берет Пембрук:

– Тогда я возьму на себя смелость высказать от имени присутствующих наше общее желание: нужно немедленно освободить принца Артура из тюрьмы. Это необходимо для нашей общей пользы. Люди ропщут, они не понимают, зачем держать в заключении принца, если ваша власть совершенно законна и не подлежит никакому сомнению? Если вы правите страной легитимно, то почему ребенок находится в тюрьме вместо того, чтобы учиться и предаваться радостям детства? Чтобы враги престола не могли воспользоваться волнением и страхами народа, мы очень просим вас дать принцу свободу. Нам не нужно ничего лично для нас, а свобода Артура послужит всеобщему благу и вашему благу, государь.

С точки зрения политики – все идеально верно, а вот с

точки зрения аргументов – не так чтобы очень. Артур – ребенок? Ему в момент пленения 15 лет, он возглавлял войска. И всему, чему надо, его давно уже обучили, образование закончено, ибо начиналось года в три и велось очень интенсивно (так было принято в дворянских и тем более в королевских семьях). Какие могут быть «потребные детству развлечения» в таком возрасте? Детство давно позади, в 15 лет иные короли уже на троне восседали. Кстати вспомним, что до Жан-Жака Руссо даже понятия такого не было: детство как золотой период беззаботной и легкой жизни. Были некие дети, маленькие и несознательные, которых нужно было как можно быстрее всему обучить и сделать взрослыми и самостоятельными, чтобы помогали, а не требовали внимания и заботы.

Но короля Иоанна пассажи про сочувствие к маленькому ребенку нимало не смущают, и он благосклонно говорит:

– Вы правы, я так и сделаю. Поручаю вам воспитание принца.

Ага, полководца, герцога Бретонского и графа Ричмонда еще и воспитывать надо, оказывается.

Входит Хьюберт.

– Что скажешь, Хьюберт? – спрашивает его король.

Авторской ремарки больше никакой нет, но, судя по происходящему на сцене, Хьюберт подходит к королю и что-то

потихоньку ему докладывает, а Пембрук и Солсбери, наблюдая эту картину, обмениваются мнениями.

– Это тот самый тип, которому поручили убить принца, – тихонько говорит Пембрук. – Он получил письменный приказ и показывал его одному моему другу, а друг мне пересказал. Вид у него мрачный, угрюмый, небось уже выполнил заказ и пришел отчитаться.

И снова «письменный приказ об убийстве». Да что ж такое-то! Всего лишь в предыдущей сцене этот самый приказ был о том, чтобы выжечь глаза.

– А король то бледнеет, то краснеет. Похоже, у него в душе как будто зреет нарыв, – замечает Солсбери, поглядывая на Иоанна.

– Как созреет – так брызнет гноем во все стороны, а в результате пацан погибнет, – качает головой Пембрук.

Иоанн выслушал сообщение Хьюберта и громко объявляет:

– К сожалению, я не смогу выполнить свое обещание и удовлетворить вашу просьбу по независящим от меня обстоятельствам. Дело в том, что принц Артур внезапно скончался.

– Видимо, болел чем-то неизлечимым, – скептически комментирует Солсбери.

А Пембрук даже и не думает скрывать, что не поверил в официальную версию:

– Ага, он еще сам не чувствовал, что заболел, а мы уже

все слышали, что смерть его близка и он умирает. Ничего, виновные рано или поздно за все ответят, – с дерзким вызовом бросает он.

Иоанн то ли не понимает, что ему буквально в лицо швыряют обвинение, то ли понимает, но строит из себя невинную овцу:

– Что вы на меня так смотрите? Я, что ли, виноват, что принц смертельно заболел? Я не Господь Бог, людскими жизнями не распоряжаюсь.

– Что-то тут нечисто, – говорит Солсбери. – И очень некрасиво, что великий король унизился до таких постыдных вещей. Ну что ж, желаю успеха. Прощайте!

– Стой, Солсбери, я с тобой, – подхватывает Пембрук. – Пойдем вместе на могилу мальчика. *«Была его наследьем вся страна – три фута получил он»*. Какая подлость! Но этого нельзя больше терпеть. Мы скоро со всем разберемся и восстановим справедливость.

Лорды уходят.

Следующие слова Иоанна лишены каких-либо ремарок, но исходя из логики событий, они произносятся «в сторону», как бы про себя. Потому что немислимо даже представить, что король мог вслух сказать кому-то:

– Они горят негодованьем. Каюсь!

*Непрочно то, что строишь на крови!
Чужая смерть для жизни не спасенье.*

Гениальные слова! Годятся в качестве эпиграфа практически к любой книге по истории. Даже не хочется пересказывать их в прозе, лучше все равно не сформулировать.

Входит гонец.

– А ты чего такой мрачный? – спрашивает его Иоанн. – Рассказывай, как дела во Франции?

Гонец сообщает дурную весть: огромная французская армия движется на Англию.

Иоанн ошарашен.

– Ну, а что наши лазутчики-то? Валялись пьяные и всё проспали, что ли? А моя мать? Она не в курсе, что Франция собрала огромную армию? Почему вовремя не сообщила?

Элеонора, как мы понимаем, находится в это время во Франции. Она действительно любила родную землю больше, чем Англию, и при любой возможности оставалась там подолгу, особенно в Аквитании.

– Государь, – скорбно произносит гонец, – ваша мать скончалась первого апреля. И говорят, что за три дня до этого умерла Констанция Бретонская, лишившись разума. Но вот тут я точно не скажу, возможно, это только слухи и пустая болтовня.

Уфф! Наконец-то хоть одна точная дата, к которой можно привязать действие! Алиенора Аквитанская действительно скончалась 1 апреля 1204 года во Франции, в Фонтевро. А вот Констанция, как мы уже знаем, умерла не за три дня, а за два с половиной года до этого. Но что такое два с половиной года в перспективе столетий?! Те же три дня. Будем снисходительны к автору. Только заметим себе, что если принцу Артуру в момент пленения в 1202 году было 15 лет, то к моменту смерти бабушки уже стало побольше. И разговоры про детские игры и жалость к ребенку выглядят еще более странными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.